

**«ГОРИСЛАВИЧ» (ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ XII ВЕКА)»
А. П. ЧАПЫГИНА**

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
Т. В. Игошевой)*

Аннотация: Работа посвящена публикации ранее не издававшейся пьесы А. П. Чапыгина «Гориславич» (1919). Пьеса в момент своего создания привлекла внимание таких крупных литераторов, как Горький и Блок, необычностью своего языка, представляющего собою сплав литературного русского языка и окказионализмов, древнерусского языка с церковнославянским. Во вступительной статье прослеживается история создания и обсуждения пьесы. К публикации прилагается исторический комментарий и объяснительный словарь.

Ключевые слова: А. П. Чапыгин, М. Горький, А. Блок, драма «Гориславич».

Abstract: The work is devoted to the publication of the previously unpublished play by A. P. Chapygin «Gorislavich» (1919). The play at the time of its creation will attract the attention of such great writers as Gorky and Blok by the uniqueness of their language, which is a fusion of the literary Russian language and occasionalisms, the Old Russian language with the Church Slavonic. The introductory article traces the history of creation and discussion of the play. The publication is accompanied by a historical commentary and an explanatory dictionary.

Key words: A. P. Chapygin, M. Gor'kiy, A. Blok, drama «Gorislavich».

В истории русской литературы XX в. Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937) известен как мастер исторического жанра; прежде всего – как автор романа «Разин Степан» (1927). Однако подходы к художественному освоению исторического материала Чапыгин начал делать задолго до появления «Разина»: один из первых опытов такого рода был предпринят им в 1918–1919 гг. Речь идет о неопубликованной пьесе «Гориславич» (1919), хранящейся в РО ИРЛИ и посвященной событиям Древней Руси, где главным героем стал князь Олег Святославич, получивший прозвище Гориславич. Имя его не раз встречается в летописных источниках,¹ под прозвищем Гориславич упомянут он и в «Слове о полку Игореве».

Хорошо известно, что первые шаги в литературе Чапыгин делал под руководством В. Г. Короленко и Н. К. Михайловского. Позже его творчеством заинтересовался М. Горький, который не только давал оценку присылаемым ему произведениям автора «Белого скита», но и стремился интеллектуально,

---

¹ Лаврентьевская и Ипатьевская летописи впервые упоминают об Олеге Святославиче под 1076 г.

духовно направлять этого литератора, повторившего в каком-то смысле его собственный путь «писателя из народа».

Ранние произведения Чапыгина (вплоть до революции 1917 г.) были посвящены изображению деревни с ее крепким бытом, мистическим мировоззрением, культом силы и хозяйственной крепости. Но уже в 1910 г. Горький дает Чапыгину рекомендации по расширению творческого репертуара. В частности, он пишет: «Надо знать историю тех людей, о которых рассказываете: Ключевский интересно освещает историю народа, но – Соловьев еще интереснее рассказал ее, и вы его почитайте».² Т. е. от собственно народной темы в ее социальном звучании Горький стремится развернуть литературные интересы Чапыгина к русской национальной истории.

Позже Горький обращает внимание Чапыгина на оригинальную фигуру средневековой Руси – князя Олега Святославича. Об этом свидетельствует его записка 1918 г.: «Для А. П. Чапыгина. Обратите, А П, внимание на родословную Олега – Михаила³ Святославовича – он же Гориславич».⁴

В конце 1918 г.⁵ Чапыгин уехал из Петербурга в Харьков, как он сам выразился, «спасаться от голода».⁶ Судя по мемуарному очерку Чапыгина «Беседы с Горьким», перед отъездом он зашел к Горькому: «Я зашел к А. М. проститься. Он сказал: – Знаете что? Теперь товарищи принялись выворачивать мощи, все ищут целого человека и удивляются, что находят только грязные кости и гнилые тряпки, а в Патерике сказано: “Мощи есть кости честные”, и не в костях дело... Надо показать, какие это были люди, дело не в их святости или какой-либо мистике... Надо показать, как эти святители за Россию стояли и за народ – это герои, они ничего не боялись. Так вот для кинематографа⁷ вы и напишите... ну хотя бы о Феодосии Печерском. Я пообещался сделать и, приехав в Харьков, засел за летописи, перечитал многое, прочел и житие Феодосия Печерского, но он меня не заинтересовал. Меня заинтересовал князь Олег Святославич, приятель половецких ханов, безбожник...».⁸

Как видно из приведенного фрагмента «Бесед с Горьким», Чапыгин стремится убедить читателя в том, что Горький настоятельно советует ему

² Горький – А. П. Чапыгин / публ. Д. Л. Устюжанина // Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: неизданная переписка. М., 1963. С. 632.

³ Имя Михаил дано Олегу Святославичу при крещении. На княжеской печати Олега Святославича изображен архангел Михаил – небесный покровитель князя.

⁴ Литературное наследство. Т. 70. С. 638.

⁵ 23 нояб. 1918 г. в Записной книжке А. Блок сделал запись: «видел Чапыгина...» (*Блок А. Записные книжки*. М., 1965. С. 437). Т. е. отъезд Чапыгина состоялся после 23 нояб. 1918 г.

⁶ *Чапыгин А. П. Беседы с Горьким* // М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. А. Крундышева. М., 1981. Т. 1. С. 318.

⁷ Известно, что Горький в это время вынашивает идею «Инсценировки истории культуры». (См.: *Горький М. Инсценировка истории культуры* // Жизнь искусства. 1919. № 251. 25 сент. Подробнее о горьковской идее см. также: *Плотникова А. Г. Проект М. Горького «Инсценировка истории культуры»* // Электронный научный журнал «Arpiori. Серия: Гуманитарные науки». 2016. № 6. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.arpiori-journal.ru). В связи с этой идеей Горький и стремился сориентировать Чапыгина на создание произведения, которое могло быть включено в серию таких кинематографических инсценировок.

⁸ *Чапыгин А. П. Беседы с Горьким*. С. 318–319.

обратиться к разработке образа Феодосия Печерского из Киево-Печерского патерика, а он (Чапыгин), вопреки этим «подталкиваниям», самостоятельно открывает для себя образ Олега Святославича. Т. е. в своих воспоминаниях Чапыгин умалчивает о горьковской записке 1918 г., которая была приведена выше, и, напротив, подчеркивает независимость сделанного им выбора заглавного героя для своего будущего произведения.

В 1919 г. в Харькове Чапыгин завершил работу над «Гориславичем». Далее, со слов самого писателя, события выстраивались в следующем порядке: «В 1920 году из Харькова я вернулся в Петроград и с Горьким не видался – он, кажется, тогда был в Москве. Вскоре я уехал на родину в Олонецкую губ. Пьесу “Гориславич” Горькому переслал из Харькова профессор А. И. Беленский?...».¹⁰

В начале 1920 г. писатель уехал в родную деревню Закумийинскую Олонецкой губ., где он, по его собственному признанию, «искусством не занимался, а выделывал кожу»,¹¹ и до 1922 г. оттуда никуда не выезжал. В такой стратегии поведения писателя, по-видимому, нашли отражение не только бытовое неустройство пореволюционных лет, но и его непростое отношение к революционным событиям, отголоски которого звучат в его дневниковой записи 1919 г.: «Стихия революции и анархии бушует, и все говорят: “Либо теперь мы будем властителями, либо никогда”. Борьба за власть идет не на живот, а на смерть, и мы, созерцатели прекрасного, оторваны от родины, любви и созерцания... мы можем лишь созерцать кошмары и насилие над такими же, как мы...».¹² Негативное отношение Чапыгина к революции подтверждается записью Р. В. Иванова-Разумника: «Советскую власть Чапыгин ненавидел (в беседах наедине!)».¹³

Во время отсутствия Чапыгина в Петрограде судьбу «Гориславича» пытался устроить Горький.

В 1918 г. в Петрограде был организован и весной 1919 г. утвержден Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса, призванный централизовать театральную работу в советской России. И одним из важных проектов в рамках деятельности ТЕО, принятых к осуществлению весной 1919 г.,¹⁴ была организация Секции исторических картин, которая явилась несколько видоизмененной реализацией замысла Горького. Свое видение «исторических картин» Горький изложил в статье «Инсценировка истории культуры» (сентябрь 1919), где среди прочего говорилось: «Предполагается создать цепь живых картин, пантомим, пьес и сценарий для кино – ряд представлений, которые в общей связи дали

⁹ В тексте издания, по-видимому, допущена опечатка. На самом деле имеется в виду профессор Харьковского университета Александр Иванович Белецкий (1884–1961), в будущем академик АН СССР.

¹⁰ Чапыгин А. П. Беседы с Горьким. С. 319.

¹¹ Чапыгин А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1967. Т. 2. С. 265.

¹² А. П. Чапыгин. Дневниковые записи / публ. Н. С. Цветовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 103.

¹³ См.: Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. М., 2014. С. 42.

¹⁴ См.: Тухватулина К. А. Культурная политика в сфере театрального искусства в 1917–1932 гг. // Социум и власть. 2009. № 4 (24). С. 94–97.

бы зрителю наглядное и ясное понимание истории духовного и физического развития человечества, истории общечеловеческого творчества и труда».¹⁵

Речь на заседаниях Секции шла об отборе, а на практике – создании целого ряда театральных инсценировок на исторические темы. Известно, что в рамках этого проекта представили свои произведения: А. Блок («Рамзес», 1921), Н. Гумилев («Гондла», 1917), Е. Замятин («Огни св. Доминика», 1920), К. Чуковский («Персей») и др.¹⁶ Причем следует отметить: ряд из них был написан специально для этого проекта, другие произведения (например, «Гондла» Гумилева) были написаны ранее и представлены в Секцию как созвучные программе.

В обойме «исторических картин» с подачи Горького оказалось и произведение А. П. Чапыгина. Однако создание «Гориславича» вряд ли было напрямую, непосредственно связано с замыслом цикла «исторических картин», как утверждает, например, И. Е. Ерыкалова,¹⁷ поскольку замысел Секции исторических картин ТЕО Наркомпроса формировался параллельно созданию чапыгинской пьесы, а сам автор в это время находился в отрыве от культурного, литературного процессов, протекавших в столицах, и мог вообще не знать об этом просветительском проекте.

Активную роль в деятельности ТЕО играл А. А. Блок. В связи с тем, что Блок вошел в состав редколлегии Секции исторических картин, он стремился продумать общий план, общую идею, которая смогла бы объединить произведения столь разных авторов.

29 авг. 1919 г. Блок написал записку, в которой он размышляет о сложности выработки такой объединяющей идеи и предлагает собственный вариант таковой: «Всего труднее выработать *план всей серии* картин и наметить их темы. Для того чтобы *сделать выбор*, нужно положить в основание единый принцип, более развитой, чем идея о значении личности.¹⁸ Я бы развил его в том направлении, что вся серия должна иллюстрировать борьбу двух начал – культуры и стихии, в их всевозможных проявлениях».¹⁹ Т. е., рассуждая о программе исторических картин, Блок помещает их в контекст собственных размышлений о культуре, стихии и цивилизации, принципиально важных для него в это время, о чем свидетельствует его программная статья «Крушение гуманизма» (1919).

В 1920 г. по инициативе Горького, который получил переданного ему «Гориславича», пьеса обсуждалась на заседаниях редколлегии Секции исторических картин.

---

¹⁵ Горький М. Инсценировка истории культуры // Жизнь искусства. 1919. 25 сент. № 251.

¹⁶ Подробнее см. в статье: Бабичева Ю. В. Метаморфозы русской исторической драмы в 10-х годах XX века // Неординарные формы русской драмы XX столетия: Межвузовский сб. науч. трудов. Вологда, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/010/2.htm>

¹⁷ Ерыкалова И. Е. Черновые рукописи пьесы Е. И. Замятина «Огни св. Доминика» // Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня. Тамбов, 1997. Кн. III. С. 124.

¹⁸ Здесь Блок полемически выступает против горьковской идеи о значении личности в истории.

¹⁹ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1962. Т. 6. С. 425.

Атмосфера этих заседаний ретроспективно передана Е. Замятиным, одним из участников этих обсуждений, в «Автобиографии» 1931 г.: «На четвертом этаже “Всемирной Литературы” за каким-то неестественно длинным столом заседала Редакционная коллегия Секции исторических картин: Горький, Блок, Гумилев, Ольденбург, художник Щуко, я – и еще три-четыре человека. Уже водрузили мы основные вехи в потоке всемирной истории, уже запрудили его мощной программой, как будто все готово, и вот-вот история завертит театральную турбину, но – исторических драматургов не оказалось. Едва ли не единственной в портфеле Секции была пьеса Чапыгина об удельно-вечевой эпохе, написанная прекрасным и... никому не понятным подлинным языком XI века. Приняты были военные меры: редакторы Секции были мобилизованы для писания исторических пьес – и вскоре Блок дал “Рамзеса”, Гумилев – пьесу об изобретении огня,²⁰ а я – “Огни св. Домника”».²¹

В протоколах заседаний редколлегии Секции исторических картин, прошедших в конце 1920 – начале 1921 г., впервые целиком опубликованных Е. В. Ивановой, отражены основные перипетии обсуждения «Гориславича».

В протоколе заседания от 1 дек. 1920 г. записано: «Присутствовали: А. Н. Тихонов, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин.

1. Предложена пьеса Чапыгина “Олег Гориславович”, написанная древнерусским языком. Ее рекомендует Горький. – Пьесу берет на прочтение Замятин».²²

Далее, как зафиксировано в протоколе заседания Секции исторических картин от 23 дек. 1920 г., обсуждение продолжается: «Присутствовали: С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов, Н. С. Гумилев, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин, А. А. Блок.

1. Блок дает рецензию о пьесе Чапыгина “Олег Гореславич”.²³ Он говорит, что в ней заметно стремление к спасению языка, внешней и внутренней ценности языка. – [Наполовину] Вся ценность пьесы в этом. – Содержание глубокое, оно немного современнее, чем язык. – Так как слова все почти сопрождаются жестами, то они будут понятны для публики.

Рецензия Блока обсуждается.

Решено не “переводить” пьесу на более понятный язык, т<ак> к<ак> это бы погубило всю ее сценичность, такого подхода к языку еще не было. – Ольденбург предлагает дать ее на экспертизу филологу, профессору Никольскому.²⁴

---

²⁰ По-видимому, ошибка памяти Замятина: у Гумилева отсутствует пьеса о Прометее. Имеется рассказ «Девкалион»: Девкалион, как известно, сын Прометея. Гумилев для Секции исторических картин дал «Гондлу», драматическую поэму на исландско-ирландскую тему.

²¹ Замятин Е. Автобиография // Собр. соч.: в 5 т. М., 2004. Т. 3: Лица. С. 7.

²² Иванова Е. В. Летопись служебной и общественной деятельности Александра Блока (1918–1921) // Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: М., 2012. С. 561.

²³ Отметим, что, в отличие от самого автора произведения, который пишет имя своего героя через «и», Блок предпочитает написание через «е» (Гореславич), подчеркивая тем самым в имени персонажа семантику горя.

²⁴ По-видимому, имеется в виду проф. Санкт-Петербургского университета Б. В. Никольский (1870–1919), однако в июне 1919 г. он был расстрелян по приговору Петроградского ЧК. Возможно, Ольденбург еще не знал об этом.

Пьесу будет читать Тихонов. По мнению Замятина, пьеса написана неправильно и неловко с драматической точки зрения. Труден язык. – Заметна бедность слов».²⁵

В январе 1921 г. на заседаниях Секции исторических картин было продолжено обсуждение «Гориславича». Протокол от 14 янв. сообщает: «Присутствовали А. Н. Тихонов, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин.

1. Тихонов говорит свое мнение о пьесе Чапыгина. – По его мнению, пьеса без языка неприемлема. На другом языке потерялся бы всякий интерес. – К постановке она трудно, несуразно построена. – Но в принципе Тихонов стоит за ее печатание, но не постановку на сцене. – Пьесу берет Чуковский».²⁶

Следующей в хронологии отражения хода обсуждения чапыгинской пьесы идет дневниковая запись Блока от 17 янв. 1921 г.: «О Чапыгине – спасает наш язык («Гореславич»)».²⁷ Эта запись связана с созданием текста блоковской рецензии, также датированной 17 янв. 1921 г. Но при соотнесении их с протоколами заседаний редколлегии Секции исторических картин наблюдается неувязка в датировках. Как следует из протоколов, Блок с рецензией на «Гориславича» в Секции исторических картин выступил 23 дек. 1920 г. Эта дата вступает в противоречие с датировками дневниковой записи Блока и текстом его рецензии. В устной беседе Е. В. Иванова высказала предположение, что ошибочны датировки протоколов Секции исторических картин, которые могли составляться позже даты реального проведения заседания, но данное хронологическое разночтение требует дополнительного исследования.

Наконец, 31 янв. 1921 г. в последний раз зафиксировано внимание редколлегии Секции исторических картин к пьесе Чапыгина: «Присутствовали: А. Н. Тихонов, А. А. Блок, Н. С. Гумилев, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин.

<...> 2. Чуковский дает рецензию о пьесе Чапыгина. В пьесе нет действия, нет синтаксиса. Это перевод и очень неуклюже сделанный. Окончательно обсуждается вопрос о принятии пьесы Чапыгина. – Ввиду громадного затраченного труда и большого филологического интереса пьесу необходимо печатать. – Но не Секции исторических картин, т-ак> к-ак> она принципиально решила не принимать пьес исключительно для печатания, – а для постановки, эта пьеса признана неприемлемой в ее теперешнем виде.

Решено: Отложить решение до возможности переговорить с автором».²⁸ Однако ни поставлена, ни напечатана пьеса Чапыгина не была.

С конца 1918 по 1922 г., проживая за пределами Петрограда, Чапыгин находился вдали от литературных и культурных событий, и поэтому ни об обсуждении своей пьесы в недрах ТЕО, ни об отзыве Блока и других рецензентов на нее ничего в это время не знал.

И о самом факте существования, и о содержании блоковской рецензии на «Гориславича» Чапыгин узнал лишь после смерти Блока, в конце 1923 г. Об этом свидетельствует записка, озаглавленная им «От автора “Гориславича”

²⁵ Иванова Е. В. Летопись... С. 564–565.

²⁶ Там же. С. 568.

²⁷ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 397.

²⁸ Иванова Е. В. Летопись... С. 570.

А. Чапыгина следующая приписка к статье А. Блока», сохранившаяся в архиве А. Н. Клейнборта (ИРЛИ). Чапыгин в ней, в частности, пишет: «Нынче в ноябре 1923 г. после смерти А. А., с которым, к сожалению моему, я был знаком недостаточно, я узнал, что вышел 9 том его сочинений,²⁹ где написано о моей пьесе XII века на старорусском языке».³⁰

Далее в записке Чапыгин воссоздает историю своей рукописи, которую он потерял из виду после того, как передал ее Горькому через Белецкого в 1919 г.: «Когда я приехал, то узнал в Петербурге, что умер А. Блок, и горько мне стало от известия. Также узнал и то, что моя пьеса “Гориславич”, оставленная в рукописи профессору А. И. Белецкому в Харькове, переслана была Горькому, который уехал за границу. Я пустился в розыски и кое-как отыскал ее во “Всемирной литературе” в столе – я первое время обрадовался ей и начал ее читать и пришел в ужас от слов чуждых и мне и старорусскому языку – очень много их наставлял переписчик.³¹

Я познакомился с профес. В. В. Виноградовым, который знал меня по работе “Белый скит”, и мы разговорились познакомившись. С ним вместе рукопись “Гориславич” мы правили, очищая ее от болгарских слов, введенных мною при изучении Киевской летописи, и <...> от чтения новгородских летописей, когда рукопись была в достаточной степени исправлена, я изменил ее заглавие, и теперь она называется “Анна Лада”. Рукопись до сих пор не издана и, вероятно, по цензурным условиям настоящего времени из-за стилистического налета, хотя и языческого – старорусского, пойти не может, и я ее у себя не имею – находится она в Москве у издателя М. П. Мурашева».³²

Из записки хорошо видно, насколько рецензия Блока была дорога Чапыгину. В письме Горькому, написанном в 1925 г., писатель прямо называет блоковский отзыв хвалебным: «Блок написал о пьесе “Гориславич” хвалебный отзыв».³³

В своей рецензии Блок воспринимает пьесу «Гориславич» относительно собственной мысли о катастрофе, которая происходит в современной революционной России. И Чапыгин, с точки зрения Блока, – писатель, который борется за спасение языка: «Чапыгин, <...> вероятно, хорошо понимает, что

²⁹ Имеется в виду издание: *Блок А.* Собр. соч. Берлин: Алконост, 1923. Т. IX. С. 236.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 586, № 403, л. 14.

³¹ Здесь вставка: «Частью эти ошибки исправил М. Горький». Речь идет о пометах Горького, оставленных на одном из экземпляров «Гориславича», хранящихся в Архиве Горького (ИМЛИ).

³² РО ИРЛИ, ф. 586, № 403, л. 14. О том же пишет Чапыгин в письме к Горькому 28 июля 1925 г.: «Большое спасибо, дорогой А. М., за труд, который вам пришлось приложить к “Гориславичу”, но когда, вернувшись в город, я отыскал пьесу, то увидел, что переписчик наставлял много непонятных и чужих слов. Я ее (пьесу) исправил вместе с моим приятелем – учеником акад<емика> Шахматова профессором В. В. Виноградовым – также просмотрел я ее и со стороны одежды и оружия по книге Савваитова и по Срезневскому. Пьеса не напечатана, и по цензурным условиям, так же, как и “Белый скит” и “Лебязьи озера”, и не может быть напечатанной, ибо все это мистика! К мистике отнесены все разговоры о душе, а также былинность и сказочность, требуется писать о новом быте, это же все ненужное» (Литературное наследство. Т. 70. С. 639).

³³ Там же. С. 640.

надо спасать язык. “Гореславич” написан языком, который без словаря непонятен, но вместе с тем – это наш, родной язык, и это я чувствовал в каждой строчке – очень странное чувство, потому что из десяти картин я все-таки мог одолеть только три, а остальные проглядел кое-как и одолеть не мог». ³⁴ Способ спасения языка, избранный Чапыгиным в «Гориславиче», Блок называет «запечатыванием»: «...запечатать произведение, замкнуть его ключом, а ключ забросить так, чтобы этот ключ мог разыскать только тот, кому суждено, кому нужно». «Способ запечатывания произведений художественной словесности и охраны их от газетной и всякой иной пошлости – не есть способ совершенно внешний, потому что в самом языке, и даже в языке непонятном, заложена какая-то неведомая сила изобразительности». ³⁵ «Не понимая всех слов <...> я слышал, однако, голос говорящего, слышал самую его интонацию, видел его фигуру гораздо лучше, чем если бы читал фразы каких-нибудь бояр у Алексея Толстого с их вечными “негоже”». ³⁶

Практически все литераторы, знакомившиеся с «Гориславичем», обращали внимание на совершенно особый язык пьесы. Выше уже были приведены отклики рецензентов Секции исторических картин по этому поводу. Язык как основную особенность пьесы выделял и Горький: «Написал, понимаете ли, пьесу “Гориславич”, на языке XII века. Непосвященный даже не уразумет. Поставить ее в театре нельзя. Да и прочитать – едва ли возможно. Но человек, как волшебник, перешагнул через тьму времени и заговорил языком XII века так, точно всосал его с материнским молоком. Для этого способностей мало, надо иметь нечто большее. Необыкновенные вещи надо ожидать от этого чудодея». ³⁷

Как отмечал сам Чапыгин, для того чтобы написать пьесу, он изучал летописи. ³⁸ Летописные тексты стали для автора не только источником для построения сюжета и характеристики персонажей, но и для создания того своеобразного языка, которым говорят его персонажи: это своего рода синтез литературного русского языка и окказионализмов из древнерусского и церковнославянского языков. Чапыгин стремился создать реконструкцию древнего русского языка в качестве живой речи персонажей. Но это удалось ему лишь отчасти.

Драматурга, несомненно, привлекали масштаб личности Гориславича, драматизм его судьбы, особая роль, которую сыграл русский князь в усобицах средневековой Руси. Чапыгин пишет о нем: «Олег Святославич, приятель половецких ханов, безбожник, так как разорял монастыри и несколько раз приводил половцев на русских князей, и я написал десять драматических картин XII века на языке того времени. Назвал его прозвищем, созвучным тому времени, которым прозывали князя и народ Олега Святославича Тьмутараканского: “Гориславич”». ³⁹

³⁴ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 429 – 430.

³⁵ Там же. С. 430.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Федин К. Горький среди нас. М., 1943. Ч. I. С. 133–134.

³⁸ Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Новгородскую Первую летописи.

³⁹ Чапыгин А. П. Беседы с Горьким. Т. 1. С. 318–319.

Историческая основа пьесы следующая. Главным герой, Олег Святославич (ок. 1053–1115) – внук Ярослава Мудрого, «сын основоположника черниговской линии Рюриковичей Святослава Ярославича».⁴⁰ Первое летописное упоминание Олега Святославича относится к 1076 г., когда он выступает уже во главе войска. До этого в течение какого-то времени (не ранее 1073 г.⁴¹) он был волынским князем, но после смерти отца, Святослава Ярославича (1027–1076), из Владимира-Волынского его вывел великий киевский князь Всеволод Ярославич (дядя кн. Олега). В 1078 г. Олег ненадолго завладел Черниговом, но после битвы на Нежатиной Ниве (1078) был вынужден бежать в Тмутаракань. В 1079 г. он «заточен хазарами “за море” в Царьград»⁴² и до 1083 г. находился в Византии. В 1083 г. Олег выбивает из Тмутаракани князей Давыда Игоревича и Володаря Ростиславича и княжит там до 1094 г. В 1094 г. в союзе с половцами Олег Святославич осаждает Владимира Мономаха в Чернигове и возвращает себе черниговский стол. В 1095–1096 гг. в ходе войны с Владимиром Мономахом Олег подчиняет себе Муром и Рязань. В ходе Муромской битвы (1096) Олег убивает князя Изяслава (сына Владимира Мономаха). В 1097 г. на Любечском съезде русских князей ему выделяют и закрепляют за ним в качестве отчин Новгород-Северский и Курск. Умер Олег Святославич в 1115 г.

Олег Святославич был князем-изгоем, положившим начало целому ряду усобиц, связанных с отчинным правом Древней Руси. В своей борьбе с князьями Мономаховичами Олег Святославич стремился опереться на половцев, которых он приводил разорять Русь. Возможно, образ Гориславича заинтересовал Чапыгина в 1918–1919 гг., когда создавалась пьеса, по аналогии со временем революции и Гражданской войны. Гориславич был князем, делом жизни которого были междоусобные войны, – т. е. по сути гражданские войны средневековой Руси. В борьбе за черниговские отчины Олег стремился опереться на половцев, которым он отдавал на разграбление русские города, что давало повод отрицательно отзываться об Олеге. Эта неоднозначность фигуры Олега Святославича позволила Чапыгину мыслить об этом русском князе как сложной, противоречивой фигуре русской истории.

Чапыгин отмечает, что действие в пьесе «идет непрерывно, кроме IX-ой и X-ой картин, между ними перерыв в несколько месяцев».⁴³ На самом деле хронологическая последовательность событий в пьесе не соответствует исторической.

Точкой отсчета в сюжете «Гориславича» является 1094 г. В первой картине автор изображает свадьбу великого киевского князя Святополка II, который в 1094 г. в знак примирения с половцами взял в жены дочь половецкого хана Тугоркана после завершения с ним войны, ведшейся в 1093 г. Празднование свадьбы великого киевского князя для народа одновременно – празднование

⁴⁰ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV в.: в 2 т. Т. I: Печати X – начала XIII в. М., 1970. С. 25.

⁴¹ Указание В. Л. Янина. Там же.

⁴² Там же.

⁴³ См. публ. в наст. изд. С. 320.

мира с половцами: «Добро ныне нам – половцы не имут нас – братья мы им, сородники через князя-а!».⁴⁴ Однако на свадьбе Святополка и половецкой княжны 1094 г. Владимир Мономах произносит монолог, в котором вспоминает о событии 1097 г. – съезде русских князей в Любече. Другой гость – Давыд Игоревич упоминает ослепление Василька Теребовльского, которое произошло после Любечского съезда, т. е. также в 1097 г. Финальные же картины «Гориславича» обращены к событиям Муромской битвы 1096 г. Эти и подобные им хронологические нарушения в пьесе подчинены драматическому замыслу автора, развивающему целый ряд драматургических конфликтов, в центре которых остается неоднозначная фигура Олега Святославича.

Во-первых, это социально-политический конфликт: конфликт князя-изгоя с Всеволодовичами, которые несправедливо лишили Олега Святославича его отчины. Олег ощущает правду на своей стороне и добивается ее всеми возможными способами. Однако, с точки зрения русских князей, Олег Святославич – Каин, который поднял руку на русских же князей в союзе с половцами; его вина в том, что он привел поганых разорять землю русскую.

Во-вторых, это внутренний, религиозно-нравственный конфликт. Опираясь на подтвержденные историческими источниками контакты Олега с язычниками-половцами, Чапыгин наделяет своего героя-христианина языческим мировоззрением. В соответствии с таковым христианский Бог для него – «Бог карающий», верующие в которого «отъяли радость у почитающих поганы боги».⁴⁵ Он признается в любви к языческим богам: «Боги юности! Боги крови теплой и черленой, вас люблю я и призываю – аз крови жажду!».⁴⁶ На трактовку образа Гориславича в чапыгинской пьесе заметное влияние оказал символистский исторический роман, у истоков которого находился Д. С. Мережковский. Подобно тому, как Юлиан Отступник в его одноименном романе является носителем противоборствующих религиозных начал, Гориславич Чапыгина так же переживает внутренний конфликт христианства и язычества.

В-третьих, в пьесе имеется любовный конфликт, тесно связанный как с социальной драмой князя-изгоя, так и с внутренней драмой Гориславича. По ходу сюжета выясняется, что Анна, которую любит Олег, – половецкая княжна, вышедшая замуж за князя Изяслава, сына Владимира Мономаха (обидчика князя Олега). В своем дозамужнем прошлом же она – подруга детства Олега Святославича. Именно тогда она научила юного князя любить красоту язычества, заставив его разлюбить христианство. Однако Анна, выйдя замуж за Изяслава, приняла крещение, после чего ей открывается красота христианской религии, поэтому теперь она осуждает язычество Олега. Олег и Анна любят друг друга, но любовный союз невозможен, поскольку Анна испытывает вину за прошлые грехи: «влекла тебя к поганым богам, аз да искуплю ся и грех мой искуплю».⁴⁷ К покаянию ее подталкивает и ощущение, что в смерти

---

⁴⁴ Там же. С. 321.

⁴⁵ См. публ. в наст. изд. С. 332.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 366.

мужа виновата и она сама, поскольку Гориславич шел завоевать не только Муром, но также и её саму. Таким образом, Анна выступает в роли Елены, из-за которой была развязана Троянская война. В свою очередь, в глазах Олега Анна виновата в том, что вышла замуж за его врага. Обращаясь к Анне, он укоряет ее: «Пошто ты лада врагу моему, кой, седше на моей отчине, поял тебя в подружие?..».⁴⁸ Как итог диалога между Анной и Гориславичем звучит вывод о том, что их счастье невозможно: «Близ же телеса наша, страдая, сжигают ся, ибо во вселенной душам нашим не мочно быти заедино...».⁴⁹ Однако, когда муромский народ потребовал сжечь Анну как ведьму, Олег, стремясь достичь своих политических целей, жертвует своей возлюбленной и сжигает ее на костре.

В итоге Олег Святославич оказывается заложником своего политического честолюбия: в ходе борьбы за отчины, развязав междоусобную войну, он пришел к разрушительному результату: потерял родного брата, союзника в борьбе, Ярослава Святославича, возлюбленную, Анну, и, утратив лад в своей душе, в конечном счете погибает сам.

Судя по письму Чапыгина Горькому от 28 июля 1925 г., пьеса, отвергнутая ТЕО Наркомпроса в 1920–1921 гг., еще несколько раз привлекала к себе внимание деятелей культуры 1920-х гг. В частности, писатель сообщал Горькому: «“Гориславич” очень увлекает актеров IV студии Московского (Художественного) театра, они хотели бы поставить пьесу, но цензура мешает».⁵⁰ И далее: «Здесь есть хороший переводчик на немецкий язык В. В. Гельмерсен.⁵¹ У него находится “Гориславич”, хочет перевести пьесу языком Нибелунгов».⁵² Однако, как и после обсуждения в Секции исторических картин, пьеса не была ни опубликована, ни поставлена в театре, ни переведена на другие языки.

Пьеса А. П. Чапыгина «Гориславич» публикуется по первому экземпляру чистой машинописи, хранящейся в архиве А. П. Чапыгина (РО ИРЛИ, ф. 280, оп. 1, № 58).⁵³ Текст публикуется по современным орфографическо-пунктуационным нормам, но с сохранением индивидуальных специфических особенностей, характерных для авторского текста.

---

⁴⁸ Там же. С. 366.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Литературное наследство. Т. 70. С. 640.

⁵¹ *Василий Васильевич Гельмерсен* (1886–1942) – переводчик. В 1930 г. берлинское издательство «Neuer Deutscher Verlag» выпустило в его переводе роман Чапыгина «Разин Степан». Перевод «Гориславича» на немецкий язык, по-видимому, не состоялся.

⁵² Литературное наследство. Т. 70. С. 640.

⁵³ В Архиве Горького в ИМЛИ также хранятся черновая и беловая рукописи пьесы «Гориславич» (РАВ-бп 37-28-1). На первом листе белового автографа имеется надпись: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому с любовью посвящаю. А. Чапыгин. 1918–1919 г.» (Литературное наследство. Т. 70. С. 638).

ГОРИСЛАВИЧ

Драматические картины XII века

Посвящаю А. М. Пешкову

Действующие лица:

СВЯТОПОЛК II, князь киевский

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ, тмутараканский¹

ЯРОСЛАВ, брат Олега

ВЛАДИМИР, князь черниговский²

ИЗЯСЛАВ, муромский князь | дети Владимира
МСТИСЛАВ, князь новгородский

ДАВЫД, князь владимирский

ОЛЬСТИН, боярин, ключник Олега

ВАСИЛЬ

ЛАЗАРЬ

| бояре воеводы князя Давыда

ТУГОРКАН, хан половецкий

ТУГОРКАН – сын

АННА, жена Изяслава, князя муромского

МАМКА княгини Анны

ПОПАДЬЯ града Воздвижения

Скоморохи:

БРОДЯГА

МОНАХ

Суздальцы:

БОЯРИН

СЫН БОЯРСКИЙ

ОГНИЩАНИН

БРАЖНИК

СКОМОРОХ

МОНАХ града Мурома

ТОРЖНИКИ

НАСЕЛЬНИЦЫ

Муромцы:

Народ

Бирючи

Гриди

Воины

Народ Мурома

Действие идет непрерывно, кроме IX-ой и X-ой картин, между ними перерыв в несколько месяцев.

Картина I

Княжий двор Святополка II киевского.³ Выкачены бочки с вином и медом, расставлены столы. Народ ест и пьет, кто как желает: кто из чаш, кто из яндовых, иные черпают ковшами прямо из бочек. Кое-кто лежит и лежа ест и пьет. Княжие слуги приносят кушанье. Шум и голоса:

Голос киевлянина

Пей, люд хрестьенский! Допреж сего при иных князех тако ли мы пили!.. Святополк князь не часто угощает народ питием и брашном...

II голос

Пей, играй, народ! Лики свинии. Гугнивы от пития языки!

III-й голос

Пей, скочи, гуди! Горше смерти скорбь люта-а!

IV голос

Што не пити, пошто не ясти от князя днесь, еже он и плешив, да юну жену поял – на ханке половецкой венец имет, на половчанке-е!

V голос

Ныне по степи теки! Добро ныне нам – половцы не имут нас – братья мы им, сородники через князя-а!

VI голос

Ой, зри! Поди-ко, млада княгиня погана да косооча?

VII голос

Зверина – в песьей скоре!

(Смеются и пьют)

VIII голос

Пью за младу косоочу!

IX голос *(баба)*

Сами пси люти! Тугорканку⁴ ныне зрела у терема. Черна очима и ликом смура, на главе золота шапка, व्या тонка, а на вые золоты гривны – во! С долонь!

X голос

А вапницу ей от хрестьян в поминок, пушай белыми вапами лик белит, да по белу черминой вапой брови оброщит *(смеются)*, как наши девки!

XI-ый голос

Наши девки на игрища лики оброшат в белы и чермины вапы!

XII-ый голос

Пошто младу княгиню чернить, еже она те и так черна?

XIII-ый голос

А, ты слышь! Мы ее белить мыслим.

XIV-ый голос

Ой, людие! почнем рыкать «горько». Не взглянут ли на нас князь от с младой?

XV-ый голос

А, ну рычи, народ, рычи!

Народ *(кричит)*

Князь-осударь! Горько жити, горько пити, и пияну быти – зри на люд пропойный, бражный! Горько, князь-осударь! Горько!

(У раскрытого окна терема появляется князь Святополк с молодой княгиней, оба они в золотых венцах, круглых шапках, народ кричит.)

Н а р о д

Здрави, князь, со княгиней младой!

Здрав буди, княже!

Много ти от сей младой княжичей!

Г о л о с

Сколь в лесу пеньков, столь тебе сынков!

П ь я н ы й *(пьет и кричит)*

Скрину ти денег да горницу девок!

Г о л о с

Изба парней!

Г о л о с б а б ы *(пьет и кричит)*

Погреб ти мышей – корзно сшей!

(Князь и княгиня отходят от окна)

Г о л о с а

Скорлатные ти кафтаны, соболю шапку-у!

Половецку ти, еже пиешь, плеть

Нову жену погонять.

П ь я н а я б а б а *(пляшет и поет)*

У Лукерьи – бес, не муж.

Иде он за речку.

Потече за быстру –

Дай бох, еже б сдох.

Г о л о с

Эх, и добр княжой мед! От сих медов попряных язык в браде улип, не иде слово на мир хрестьянский.

М н о г и е г о л о с а

Зрите! То княже на сватьбу.

Наскакали бояры на гоститву сватебну...

Г о л о с

То кто есте?

Г о л о с

То Володимир черниговский,⁵ мудр князь, велий разумом киевского Святополка...

Г о л о с

Што рек? А пошто тый в Чернигове? Пошто не на Святополче столе?

Г о л о с

То не нам мыслить! Зрите, как князь рыжий брадой, то Давыд володимирский,⁶ и инии еще зрите, зрите!

Г о л о с а

У тых медуши не пусты: бортеных знамен, поди-ка, тыщи?

Г о л о с

От полюдья ломится казна!

Г о л о с
То-то Святополку нашему к свадьбе поминок придет – возы бисера да оксамита...

Г о л о с

Тафты, скорлата!

Г о л о с

Кунных скор!

Г о л о с

Бей народ к богу, штоб поболе поминок с иних градов да мене оборки с Киева-а!

Г о л о с

Молись, народ, чтобы бояры да бирючи твоей ногаты не хоронили по себе!

Г о л о с

Кийской ногаты не катили б под кафтаны скорлаты!

(Смеются и пьют)

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИИ БЕЗ АНТРАКТА

Княжий терем. Горница большая, много столов. Столы расставлены один другого выше. Ближе к окнам за самым высоким столом молодые: Святополк с дочерью Тугоркана, хана половецкого; за ними стоят гриди в блестящих золоченых доспехах, в шлемах, с секирами на правом плече. Кроме молодых за столом сидят князья, родственники Святополка и князья отчинные.⁷ За вторым столом, меньше княжеского, но ровным с ним, епископы с крестами на груди. Пониже стол боярский. Еще ниже – купцов, заморских гостей и детей боярских и воинов старших, отличенных в боях. Крутом столов скамьи, обитые бархатом. Занавес открывается во время пения псалма, его поют вполголоса епископы и бояре:

«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»⁸ и пр. ...

(За княжеским столом встает, подымая золоченый ковш, Владимир, кланяется Святополку.)

В л а д и м и р

Реку, яко народ: князь Святополк единоколенный, здравлю ти с младой княгиней! Призываю на пир твой княжой и собину твою благословение Господа Бога нашего и реку – горько ми пити ковш сей.

С в я т о п о л к *(вставая и подымая под руку молодую)*

Лобызаюсь, послушен зову твоему, но сие ради редкого и вожделенного гостя творю...

(Гриди снимают с них венцы, золотые шапки и высоко держат над головами. Святополк целует молодую, гриди опускают на голову князя и княгини венцы, и они садятся.)

Д а в ы д *(сидевший за столом дальше от молодых, чем Владимир, встает, подымает свой ковш).*

Здравлю от всего сердца младым! И реку аз – горько ми, горько!

С в я т о п о л к *(Давыду)*

Молимтися – не труди ны, Ингоревич!

Д а в ы д

Ну, ин ладно – не тружу, но мню, кольми паче, что младу лобзати – слаже чего нет. Аз здравлю!

(Давыд-князь выпивает свой ковш и садится, Святополк, сидя, кланяется ему.)

В л а д и м и р *(севший на свое место, вновь встает, кланяется молодым, потом кланяется на все стороны).*

Сие ведаете все вы, князи-володетели, что преже деля отчины есмь домо-сед я! Ибо все труды и наряды своя сам правлю и одиный кормленьщик народом своим... один я думу думаю и о церквах по вся дни, и не место ми быти на гоститве родни моей, бо сына моего приветити не удосужился, не палась езда к нему в Муром на его сватебную гоститву,⁹ и по сей день не ведаю, хто есть сноха моя, красна ли она ликом, разумна ли речью; сведуща ли порядней княжой по храмине не вем, но вчуялся лишь ныне в едино, что многи князи и старцы дружинные от иных отчин текли в Киев, и рек себе: быти есть ми в Киеве. Сватьба – сватьбой, а дело велие править и Бог велел, и оно потребно всего преже. И вместо Любича,¹⁰ куды течи особь понудилось бы всяку князю, кой радеет земли русьской, сюда притек аз!

К н я з ь я и б о я р е *(поднимая ковши кричат)*

Рады есмы князя Володимира зреть!

Лагодны его речи и мудрость чуть мы рады!

В л а д и м и р *(снова кланяясь и не садясь)*

Пришел я по нуже великой, и сладко зрети ми ту заедино со мной соседей лагодных столу кийскому – Тугоркана князь половецкого с сыном, хоробрых кметей, иже ныне сородных нам чрез Святополка-князя и дщерь кровну... Да буди, молю Господа, благодать и мир на родной земли от союза великого хана и князя кийского, да познают ны соседи храбрые, что мы многи им чрез сие сватебно брашно приязненники, что они кровны сородники наши.

Х а н п о л о в е ц к и й (в длинном красном кафтане, запоясанный поясом из золотых блях, встает за столом. Он сидит рядом с молодой по левую руку. Низкого роста, сухой, смуглый, на черных волосах его диадима из золотых гривен, он подымает ковш и кричит).

Чуй и наш здрав тебе, Волидемер! Яз чуй тебе слова ладна, но зрим тебе мало... еже зрим много, то много лагод будим! *(Пьет и садится).*

В л а д и м и р

Милы и лагодны наши сородники князи и вы, гости половецкие! Нелепые чул я вести, горкие моему сердцу, и реку вам, что не от сего дни сим вести – оно и допреж того внимали мы... И вот вести сии: не пресек крамолы своей князь Олег Святославич, хотя и целовал он ны крест святой и ротился крепко: не искати под нами северские отчины, а сей чин ведомо нам – течет с вои многи Олег на Муром, Суждаль и Новгород и требит путь крамолы велией... Не помыслите лукавню, не посетуйте на мя, князи володетели, что яко бы за сыны своя аз заступу и заботу поял, что некими северскими отчинами владеют сынове мои, что сородники моего княжего гнезда, что сыны ми вси суть близки сердцу моему, а сердце мое точится кровию преже, кольми паче

по земли русьской! И горько ми, князи, что гинет Русь не то лишь едино от враг – угрин, торков и оных язык, а гинет от злодеятелей, кии суть: Олег-князь и подобни суще ему... Ведомо вам: были Олегу даны отчины по ставлению думы княжой и обчего наказа,¹¹ но сей князь хоробрит непоседный! Меч ли ему по десне дался, конь ли по злату стремени пришелся, не вем, а зрим вси не от сего дни: аки ветр злопышущий ристает по Руси с огнем и мечем Олег-князь! Али не зрите по сей час, князи властели, что жжет и рушит Олег свое хрестьянское и не брежет ни главы своей буйной, ни святыни церковьной, ни люда русьского... чесо хочещи? Речи бы ему. Но сии слова идут вну его, бо и сам он не ведает чесо, а жадет лишь единой крови, ею похваляется, ею радуется, и вси ему враги, и един он среди властелей сородников на Руси, яко вран на скотильной падали... Вот коя нужда повлекла меня в Киев испить сватебный ковш вина хлебосольна князя Святополка... Ныне вчуялись ли княже, что поведал аз ту, и за то прям да будет ваш сказ: идем вкупе полонить и ввергнуть поточению грозу земли русьской Олега-князя – ныне, а не в иной час должен поврещен быти крамольник, и аще не течете вы на поле с Олегом-князем, да гряду нань один аз и берусь с ним одиный... пошто зрим всеу, али что он есть нам единоколенен? Но сокрушался Давыд-царь о сыне лютом Авессаломе,¹² видя его мертва уязвлена стрелою... мы же не ищем смерти Олега, и кровь его нам не потребна, одино лишь мыслим унять грозу земли, и крови пролияние безвинное пресечь, и наведение язык чуждых и жадных поврещи из веку...

К н я з ь я *(кричат)*

Пошто зрим на Олега?!..

Не идет на совет с нами!

Пирует едино лишь с ханы половецки!

В л а д и м и р

Зане реку: Авель гинул от руки Каина! Господь изверг Каина с пламенем из веку в век... Господь долготерпелив и милостив к нам грешным... не дадим и мы Авеля наша – земли русьской отселе клещити Каину Олегу своим лихновением... сей див – князь не русьский духом.

Д а в ы д *(встает и кричит)*

То не князь! Боняка хана¹³ приязненник. Кий князь Олег? – изгой есть!..

В с е к н я з ь я *(встают за столом, кто подымает руку, кто меч, и кричат)*

Здравим Володимеру мудрому! Поганен Олег! Все да идем на Олега! Все! Все!

Д а в ы д *(не садясь, кричит)*

Ведайте, князи! Ныне Олегом ят Василько-князь и ослеплен.¹⁴

С в я т о п о л к *(встав, кричит)*

Чул аз про лихновение оно!

В л а д и м и р *(жестом унимая поднявшийся крик)*

Сие вережение Васильку вем и аз. Но хто ввергнул нож меж браты своя, речь моя есть преди, ибо глаголет Господь:

«Сего ради исторг винограды ваша, и смоковье ваша, и нивы, и дубровы ваша, но злоб ваших не могох истерти».¹⁵

Исчервлена бысть земля наша братоубийственной десной и ведомо мне, что верезение Васильку не от Олега пало, да о том умолчу не хотя на гоститве брачной братии своей досадити... У Олега-князя своих лиходеяний много, ибо он есть велий водитель злу, и будет ныне речь лишь об Олеге-князе, и еще реку: ведаем вси мы князи властели, какого есть роду сей князь, но кой поп его купал, коя мати поволила дойти свою грудь Олегу, не ведем, а что он поган есть, ведомо; и то, что, ходя по становищам, крамольник возит в ларе лишь едины болваны – половецкие боги, и им скачет и деет жратвы кровавы, ими красит теремы княжи, огнув запонами божонки хрестьянски, священные пением и ладаном, угнетает веру отцев православу, деля ради чужеземных поганых свычаев и богов познанных и возлюбленных им в Тмутархе.

Т у г о р к а н *(вскакивая кричит)*

Эй, гой, ти, Волидемер, и ти, си коган русски. Сяк чуек свой бох, и наш бох – бох!

Е п и с к о п ы *(встав за своим столом)*

Проклята есть от Господа поганьска вера, и болваны скотильны суть!

К н я з ь я *(кричат)*

Олег поган! Олег половчанин! Поган! Еретик!

В л а д и м и р

Что еще речи ми вам, князи властели отчинные, али уж попрещи всех вас и себя заедино?.. Вси мы не держимся крепко целования крестна, попущаем от брата брату лиходеянию; быти еже не при нас, то при детех и внуках наших – зле люту... И станет подколенна лиху земля русьская, ибо многи беды попущали мы, деля ради злоб наших и ласкосердия душевна, но все же долго мы студимся восхищать рухло народа своего и губить люд хрестьянский и уклады церковны так, как губит землю Олег-князь! Ведомо ли вам всем, как в оно время с половци вкупе осадил он мя в Чернигове?¹⁶ Ушел аз из Чернигова и мыслил: «отныне престанут жечь веси и грады окачно Чернигова, убойствовать людей, ежли не буду аз им супротив належати». Но и по моему уходу половци мног люд хрестьянский имали в полон и работу, а Олег-князь, зря на кровь и слезы языка русьска, бражничал с ханами в Чернигове и никому же чинил помочь и заступу...¹⁷

К н я з ь я *(в голос)*

Али то не половец поган?... Смерть Олегу!

(Многие из князей обнажают мечи и не садятся.)

Т у г о р к а н *(вскочив)*

Яз не поганен вам си, коган русски, эй, Волидемер! Черна брада! Чуй от нас...

В л а д и м и р *(Тугоркану)*

Правду реку аз, хан отец!

Т у г о р к а н

Яз не чуй правд! От тебе русски коган рык, от тебе! Гой, Волидемер! Пир не пир! Един сие свад есть.

Святополк (Тугоркану)

Пошто сей плещ? Тихо, тесь, тихо. Чуй Володимера – то правда!..

Тугоркан (вскакивает на скамью, выхватывает кривой меч, машет им в воздухе и дико кричит)

Дщи и син мой! Все, все дам меч! Сек глава русска за коган Олег! Позирай все! Нинь за коган Олег ми! (Указывая мечом в сторону Владимира). То исте он коган Волидемер? Ту син, сю син – весь син от коган! (Кричит, как бы сзывая дружину). Да иде ми половец хан на Волидемер! И наша кровь за дщи наш Зогурда нинь Святой-полк, да иде ми на наш кровь Святой-полк за коган Олег! Олег коган наш своя, а се Святой-полк от се день з Волидемер коган! О, нам чуть и то, ми весть про Кытан хан половецки, ми весть про Итлар,¹⁸ хан чей смерт от Волидемер! Ми весть Волидемер коган все вежи степны на прах, на смаг фу! (Дует на меч). Огня, огня – он губил многи половец! Волидемер менит рус на половец стань, он менит – нет половец! Яз Тугоркан менит рус полк – рус нет! Фу, фу! (Дует и машет мечом).

Тугоркан сын (вскочив на скамью рядом с отцом)

Эге! Позирай! Эге, мой кровь! Ми за мой кровь Тугорхан, ми бой на Волидемер!

Владимир (с чашей вина подходит к Тугоркану)

На пиру дщери своей еси, хан отче! На пиру сватебном не гоже есть сваду чинить и спленати един другого вервием, но время близ – на бранном поле совокупим вои, деля ради крепкой сечи, и тогда, хан, берись, сколь сила поволят, и кому его бог даст одолание... Зде же пию за тебя! (Выпивает ковш).

Тугоркан (громко)

О, да! Ми на под небо – степ на кон и бой, бой!

Владимир (князьям)

Чуете ли сие, князи володетели? Зане половецкие ханы грозят нам, и преже всего опас да имем... Зря на сие, не ужаснемся, ибо ведомо: «Исконному врагу приязненником не быти...» И то чуем все, что волят возвести вежи половецкие на месте градов и весей русьских, створяти жратвы болванам на месте монастырей и церковей Божиих, и не страшно сие – реку аз, ибо зримо... страшно нам есте то, что родовые князи, сидяще с нами за брашном вечери али гоститвы пиршественной, куют крамолу на браты своя, а мы, подъявше ковши и лобызаясь с крамольниками, не зрим того. И ныне, пируя на свадьбе и слушая замарние игры и плещ велегласный языка сродна, не ведаем, что замышляет в сей час Олег-князь, он, ведаю аз, гонит нарочитых к Боняку и иним ханам и влечет крови и грозы многи на нас. Но и сего страшиться непотребно, аще будем мы, князи властели, крепки между собя и лагодны и сговоряны, Господь же милостив и ве глас. Он творит всяк див лютый, с когтми по виду его... И ведомо ми про Олега, что душа его ныне вережена, и устал он от крамол и крови многи... И мыслю аз, вы, князи властели (кланяется), не убоясь крамолы Олега и грозы половецки, идя с гоститвы и взратясь к себе, нарубите народ мног деля ради сечи, собирайте воевод и ведите полки сии на Муром, аз с кметями своими доспею к тому... Едина мысль несказанна, и ее поведаю: зде на гоститве сидит единый от князей, кой ведает Олега боле всех нас, ибо еди-

ноколенен крамольнику и ходил с ним не единожды в сечу, а князь тый Давыд володимерский! (*Глядит в сторону Давыда, Давыд встает и кланяется всем*).

В л а д и м и р (*многозначительно*)

Хто вередил Василька, – умолчу, ибо на пиру не гоже прию творити и грозити едину от нас, но ведает сие Давыд-князь, что и от него не малые беды текут нам, а ведая сие, да имеет на себя заботу велию во искупление грех многих перед браты своими. Лестивостью аль бо хитростью може и полонит без крови многи крамольника, ибо Давыд-князь не мало ми рек о сем в пути и готов братися.

Д а в ы д (*кланяясь всем*)

Кии беды створил аз вам, князи властели, не вем, но Олега, чтя единоколенным, мно себе по вся дни ворогом, ибо попустил Олег и на мя лихновение властно, изгна мя,¹⁹ лишил Всеволожских отчин, кие преже от отца наша были... Ныне же доля всех князей и обчего оговора тшусь ити на Олега единый с бояры и вои своими, о чем и поведал преже старейшему брату нашему Володимеру, и от сих слов не открекаюсь!

К н я з ь я (*подымая ковши с вином, кричат*)

Слава Давыду князь володимерскому! Слава, еже за прямое дело иде на крамольника!

В л а д и м и р (*не садясь*)

И аз реку, яко вси князи, слава Давыду-князю! И еже один он полонит Олега, не лия крови русьской, то и от народа ему слава! Но, князи сородники, вси вы ведаете не от сей вечери, что Олег-князь кметь доблий и не одной душой своей злоумышляет на ны, а с Ярославом-братом. Юн Ярослав, но храбр и дерзновенен в сече разумен и скор на дело ратно... Олег же правит Ярославом на крамолу, и многи вои прельщены от крамольники потягнут за браты, ибо и лестивостью и храбростью берут народ, и не один народ, многи кмети и воеводы пойдут зань и, ведая сие, не надеются на Давыда-князя, а пыхи своя и которы многи дадите забвению и собирайте вои своя скоро и ведите на Муром.

К н я з ь я (*в голос*)

Добро слово твое, Володимер! Сберем вои! Не помыслим котораться!

В л а д и м и р (*Тугоркану*)

И ты, хан сородник! Ныне и супротивник, чуй и иди на ны. Сбирай угрозы таборы своя...

(*Тугоркан молча пьет вино*)

Г о л о с

Горько пити! Горько пи-и-ти!

Г о л о с

Князь и княгиня, горько нам, мизинным!

В л а д и м и р

Ныне же на гоститве сватебной Господь зрит и простит нас, пияных и убогих в пьянстве, а посему предадимся замарним игрищам и гласам многим утешным.

К н я з ь я (*кричат*)

Слава Святополку! Да здравит с младой княгиней! Будем ликовати вси!

В л а д и м и р (*подходит к окну горницы, кричит*)
Люд хрестьянский! Сли на сватьбу князя своего скоморохов!
(*За столом епископы встают и, кланяясь Святополку и благословляя всех, уходят.*)

ЗАНАВЕС

Картина II

Простая курная изба. Потолок черный. Кругом избы – полки, ниже полок изба выбелена глиной. В глубине – печь с лежанкой; справа от зрителя, через избу поперек идет воронец, на нем – полати, на печи, сбоку, светец, в нем горят две лучины ярко и дымно. Окна избы узенькие, горизонтальные, лишь одно с левой стороны, где стоит стол, – большое с частым переплетом, слюдяное, называемое красным. Стол большой, покрытый домотканой пестрой скатертью. В глубине дверь, по избе идут лавки. Попадья сидит на лежанке, прядет, рядом с ней сидит на скамье монах, у двери ближе к столу сидит бродяга. Попадья в красных чулках. Под скамьей, где сидит монах, веник. В углу у печи – помело.

М о н а х (*указывая на бродягу, попадье*)

О, ну? Что сей глаголет? Не чую!

П о п а д ь я (*нагибаясь к монаху*)

А ништо, тако лжешь! (*Махает рукой, монаху громко*). Скоморохи текли в град – поживу чуют!

М о н а х

О, отколе?

П о п а д ь я

С денницей молодой от княжой дружины на коне прошел, гомонил: «Ныне грядет во град Звижень Давыд-князь, у меня станет!».

Б р о д я г а (*беспокойно*)

Мать? Услышь грешного; нет ли zde клетки сутемнее, где бы мя, человека мизинна, князь не зрел?

П о п а д ь я (*бродяге*)

В бегах, должно? Иму, иму тако место! Бежи, находник, дале, до князя утечешь не мало.

Б р о д я г а

Я чул, ты мниху тому завечала приют дати. Аз, чернец монастыря Никольска, вот хрест!

П о п а д ь я (*сердито*)

Не лги! Язык твой не улип, не мало зрю народа и тя зрю и мысло, хто еси: огнуты вы, находники, все едино в порты ли чернецки, али мирское вретиче с сумой, а тронь суму, под ней меч обрящешь – глас униинный, глава ти поклонна, а мало зеницы отвел – за выю грабаєте и убойство чините.

Б р о д я г а

Что ты, мать! Аз убог на десну стопу, лгать люблю, убойствовать николи не мысло....

П о п а д ь я

Зрю я – издалеча ты душу свою влачишь?

Б р о д ь я

Ой, устал – издалече!

П о п а д ь я

Судьбина твоя – душу волочити! Влеки-ко ее в ино место. Бежи скоро...

Б р о д ь я

Чую – не ладно ми с тобой! Скоро аз, а ты мя еще борзее ладишь створити... *(Переминается, поколачивает нога об ногу и оглядывает избу).*

П о п а д ь я *(монаху)*

Я уж гомонила – ночуй, отче-батюшка! Тма, ветр – во тме ветхому путь трудный, опочинь.

М о н а х

О? Мыслил к гостиним людем итти и внемлю: прииде ту князь може сый щедроимец? Всеволод, князь киевский, щедр был ко мнихом и обители, аз же теку за утро на конех к Суждалю, да идут на торговище в Суждаль Богобойны гостины люде кликали мя...

П о п а д ь я

Сие ладно тебе! Не чула кий Давыд-князь, а Олег-князь монастыри жжет и мнихов клещит.

М о н а х

Спаси Господь! Чул не единожды про злодетеля сего... Печерская обитель не поминает князей тех преступлений дея их.

П о п а д ь я

Лихоимец, див! Спаси Господи в нощи того увидети. Сей ласкосердный злу...

М о н а х

Се гряду по градам и всеям поучать народ маловерный, ибо без церкви с плясанием и визжанием многи хрестьяны жен поимут и от поганых поучение внемлют... И монаси мирскими суеты блазнятся. Аз же иму от игумна печать ко вратарю – да не изыду всеу и не прельщу.

П о п а д ь я

Напусти на сие Господь, – а народ маловерный; мой поп также гомонит, а сам велий грешник! Ныне бы взвратися, а он после требы сел за питие, чую я, с бражники.

(Занавеска раскрытого окна топытирится. Слышен шум ветра в деревьях и стук ставней.).

П о п а д ь я *(бродяге)*

Отринь, находник, запону, да припри окно!

Б р о д ь я *(отодвигая занавеску, глядит в окно)*

Небушко черлено – знать к головням!

П о п а д ь я *(строго)*

О пожарах не реки ми, а то ухватом зеницы побью!

Б р о д ь я *(притворно испуганно)*

Ой, гроза ми, гроза-а!

М о н а х (*про себя*)

«Не утаися кость моя от Тебе, ю-же создал еси в таине и состав мой в преисподних земли».²⁰

П о п а д ь я (*монаху*)

Еще, отче-батюшка, гомони про печерских угодников – несть слаже чуть!

М о н а х

О? Про обитель? Слава сей обители преподобных отец Антония и Феодосия неизречена, и не мне, худому чернцу, прославлять преславное, но, што чул, реку ныне и аз, дщерь: возри – не чудо ли сие, если Марко Печерник не единожды повелевал мертвым, сущим во гробех, течи в ино место...²¹

Б р о д ь я (*про себя*)

Добре бы ми течи на полати, да опочинуту...

(В сенях шум многих голосов и звон оружия. Попадья быстро соскакивает с лежанки, полубегом подходит к дверям, обувает башмаки.)

П о п а д ь я (*говорит испуганно*)

Ахти ми! Чую, что князь!

(Бродяга быстро лезет на печь, потом перебирается на полати и прячется.)

М о н а х (*не меняя позы, опершись на посох, говорит громко*)

«Не утаися кость моя от Тебе, ю-же создал еси...»

(Дверь быстро распахивается, в избу, слегка сгорбясь, оглядываясь по сторонам, пролезает человек роста выше среднего, с окладистой недлинной бородой, в собольей шапке с бархатным желтым верхом, в рыжем корзне, отороченном по подолу сободем, забрызганном грязью, в желтых сафьянных грязных сапогах, с обнаженным мечем в правой руке.)

П о п а д ь я (*кланяется*)

Здравлю ти, княже!

К н ы з ь (*выйдя на середину избы и тыча мечем в пол*)

Хто zde хозяин?

П о п а д ь я (*продолжая кланяться*)

Попа нету! Я попадья, подружие попово.

К н ы з ь (*тыча мечем в пол*)

Не люблю подполья, у тя, попадья, долу под мостом есть подполье?

П о п а д ь я

Простой мост, княже! Не иму подполья, прости рабу – не вышла тя приветить!

К н ы з ь

Тиуна приветь, али посадника, князя Олега привечать не мни!

П о п а д ь я (*испуганно*)

Спаси Господь от Олега! Эко язык блудит. Ладила речи: бывай начасте, а вышло не ладно – так ты не Давыд-князь?

О л е г

То брат ми, не одиночадный, единоколенный! *(Тыча мечем в шкат)*. Зде, попадья, што угнетено?

П о п а д ь я

Да ту, княже, хоронятся поповы порты и мно, что потребно храмине.

О л е г

Волшвением не займуешься ли? Не замечен ли ту некий див ужастен, на потребу волшбе клещения ради души? Не мечешь ли кобью и зерню, чтоб пытать люди? Страшись, ежели имашь сие!

П о п а д ь я

Ой, княже, отче-батюшка! Что ты... Священна одрина попова – я бью поклоны на Спасов лик, едва лишь денница, и по вечери бью...

(Олег ходит по избе и оглядывает всякий угол подозрительно, подходит, замечает бродягу на полотах.)

О л е г

Ты кто?... Теки вну!...

Б р о д я г а *(быстро соскакивает и, сорвав с головы шапку, кланяется)*.

Аз калика, княже! Калика, убог на десну стопу...

О л е г

Теки! Смерду без нужи с князем не добре в храмине быти...

(Бродяга пятится к двери)

О л е г

Чуй, рабе! *(Олег подходит к бродяге)*. Ты разумен ли?

Б р о д я г а *(кланяется)*

Чую, княже! Тшусь быти вглас.

О л е г *(давая ему серебра)*

Иди на Суждаль борзо и славь на вече Олега-князя – рци еси, князь Олег доблий кметь – да потягнете за князя!

Б р о д я г а *(кланяясь низко)*

Теку, княже, чую! Теку! *(Исчезает в дверях.)*

О л е г *(монаху)*

Ты, мних, отколе?

М о н а х *(вставая)*

О, скорбен ушима! Не чую...

О л е г *(громко)*

Отколь притек семо?

М о н а х

Аз мних монастыря Печерского!

О л е г *(расхаживая по избе, громко, но про себя)*

Отколе пришли вы с Богом карающим? Заселили грады и веси правдой страшной, отъяли радость у почитающих поганы боги. Боги юности, игрищ и позора светлого текли в леса от вретниц черных и крестов... *(Громко и страстно)*. Боги юности! Боги крови теплой и черленой, вас люблю я и призываю – аз крови жажду!

П о п а д ь я *(крестится, стоя у печи)*

Спаси Господь от сего!

М о н а х

Чернец обители Печерской аз!

О л е г

Реку ти – с правдой идешь по отчине?

М о н а х

Правда на небеси, княже, у Отца небесна!

О л е г (*расхаживая по избе*)

Клянущу денницу и ту душу, коя повлекла мя к правде загробной! (*Подходит к монаху*). Твой Бог, старче, опутал мя ужищами страха за кровь, и день от дни в десне моей меч все легче – а ми ли не клещати врагов? Враги всямо идут на нас...

М о н а х

Соизволение Господне! Господь мыслит за человеки.

О л е г (*насмешливо*)

Господня правда! А се правда княжая: трех год бысть князь Олег на конь сажан от епископа, и власы резаны им, а возрос в кмети – изгоем рекли мя... Так мочно ли страшиться крови?

М о н а х

О, крови? Не чую!

О л е г (*громко*)

Я землю люблю! Прах ее кринный люблю, воню черленой крови. Молись, старче, чтоб твой Бог небесный не застил земному кровавому и не брал души Олега. (*Вынимает серебро, дает монаху*.)

М о н а х (*не берет серебра*)

О, ты не Давыд-князь?

О л е г

Аз Олег – молись за Олега!

М о н а х

Не иму даяния. Обителью Печерской повелено клясти Олега с Тмутаракани...

О л е г (*стуча в пол мечем*)

Да не зрю тя, чернец! Теки вну...

М о н а х (*утираясь в посох, идет и бормочет*)

От неправедных злата и серебра паси Господь!

П о п а д ь я (*провожая монаха*)

Отче-багюшка, десную ту клетушка!

(*Монах уходит*)

П о п а д ь я (*возвращаясь, бросается к образу*)

Ахти, лампаду запахнул ветр! (*Крестится, идет к печи, берет лучину горящую и зажигает лампаду, потом подходит к Олегу, кланяется*). Не взыщи с рабы скудной, княже! В шапке ты по храмине грядешь – святые иконы ту.

О л е г

Не сие недобро, а то неладно, попадья, что в храмине твоей черно, яко у слепца в зенице. Аз мною веселитися и тек не в церкву. (*Кричит*). Гой, отроки, семо, семо! (*Откидывает корзно и вкладывает меч, входят три воина*). Светочи сюду!

(Воины уходят и возвращаются с фонарями из слюды на коротких подставках. Встают двое у стола, один у двери.)

О л е г *(сбрасывая на стол шапку, воинам)*

Али не ведаете князя, холопи? Князь Олег – бражник, пошто праздна его трапеза?..

(Воины и попадьа спешно уходят, попадьа возвращается с работницей девкой, они ставят на стол медную яндовую и медяные ковши, братины с вином и деревянную тарелку с коврижками.)

О л е г *(ходит по избе, говорит про себя, оглядывая избу).*

Древний сруб, знать, сия храмина давно не зрела смаги?

П о п а д ь я *(с поклоном, Олегу)*

Не полоши, княже, глупую бабу! Пей вино да яждь, что Бог дал – бывай начасте нас скудных полюбишь, а тугу кинь.

О л е г *(подходя к столу)*

Туга до черна угрызла сердце – то правда! Ты мнишь, попадьа, изгою как псу пристало лакать из олова? *(Сталкивает на пол яндовую и ковши).*

П о п а д ь я *(разводя руками)*

Да ежли б не попа, брадатого бражника, ждала, а сокола князя, то себя в закуп дала бы, да уготовала ины судна! Ковши не мечи на мост, не поганы пили из них – хрестьяне *(подбирает и уносит посуду).*

О л е г *(кричит)*

Ольстин! Семо-о!

(Входит старый боярин, кланяется. За ним отроки вносят большой ларец, окованный серебром. Боярин снимает с князя корзно, кладет на лавку. Отроки вынимают и ставят на стол золоченые ковши и серебряную братину.)

О л е г *(боярину)*

Борзо, Ольстин! Из кади, что везена, вина шли...

(Боярин кланяясь уходит)

(Под корзном на Олеге надет короткий синий байдан с бляхами из золота на плечах и груди, байдан перетянут ремнем с серебряной цепью, на цепи – меч. Олег садится к столу, наливает из братины попадьи вина, глотнув, плюется, вытирает рот и бороду рукавом, говорит):

Не борзо гонит с ростовци Ярослав! Опочинути мочне... налезем дружину тогда на Муром. В Муроме ми свет, али конец потехи бранной Олега?

(Входят отроки, вносят в яндовых вино, ставят на стол и, молча кланяясь, уходят. Входят еще два воина с фонарями, встают один у шкафа, другой у двери.)

О л е г *(ковш за ковшом пьет вино, потом склоняет голову на руку и грустно говорит про себя).*

Анна, Анна, в сей грозный час едина кинула мя на пути, пошто вабила душу Олега к Богу хрестьянскому? Пошто? Скрегчит душа, и ненавидит тебя, и любит полоненная... не ты ли в юны дни влекла мя к Даж-богу и Волосу, и, радуясь, любил тя лобзати Олег. Пошто грядут все дале боги пройденного, юного... Пошто Даж-бог радуется извечно, а мы, человеки, дряхлы обрящемся от дня в день? Вернись вспять, время сладкое, и дни, когда от крови пьяный

скакал Олег-князь у жратвенных огней Перуна! Аще глумясь, пожигал монастыри и веси и смерда с мнихом равно гнал путем навьим.

П о п а д ь я *(быстро входит, бросается к ногам Олега, Олег ее не видит и еще ниже склоняет голову)*.

Княже! Отче-батюшка! Тамо прискакали бесовские людишки – скоморохи, не погань постой попов, не приказывай их!

О л е г *(как бы очнувшись из забытья)*

Ты что?

П о п а д ь я *(не вставая с пола)*

Людишки, реку, скоморохи! Али ты лагодишь бесом?

О л е г

Твое пиво в корчаге прокисло.

П о п а д ь я *(вставая и беря вино)*

Скоморохи, княже, чуешь?

О л е г

Чую! Эй, младшие! Скоморохов семо!

(Попадья уходит, возвращается отплевываясь, за ней идут скоморохи, их пятеро: Коза, Медведь, Возжак, Смерд и Смерть. Все ставят в угол у двери багаты дорожные и под порогом вытирают лапти. Смерть громко сморкается.)

О л е г *(пьяным голосом)*

Гудцы! Скочите и гудите...

(Возжак с Медведем начинают плясать, остальные притоптывают. Смерд ударяет в инструмент, род литавр. Смерть свистит в дудки. Все, кроме Смерти, поют):

«По болоту,

по моху!

беси ловят

камуху!

беси маленькие,

простоватенькие,

косорогие

и безрогие.

Ох-тю, хтю, хтю,

голова в дегтю!

Бес бежал в Ростов,

торговал холстов,

промения холсты

на свиные хвосты!

Ох-тю, хтю, хтю,

голова в дегтю!

Нос в меду,

хвост в муке,

уды в паволоке!

Ух-тю, хтю, хтю,

голова в дегтю!

О л е г

Гой, вы, рабы! Дайте позор!

Скоморох Коза

Осударю-князю позор!

Скоморох Медведь

Да лицееем коваля!

Скоморох Вожак

Кузнеца, братие!

Скоморох Смерд

Потребно помяло!

(Хватает из-под скамьи веник, выносит на середину избы и, растопырив листьями, ставит его комлем вверх, берет из угла батог, подходит к венику и кричит):

Де тиун, кузнец где?

Скоморох Медведь

Аз тиун!

Скоморох Смерд *(всем)*

Эй, вече! Подобаает ли медведю тиуном быти?

Остальные *(в голос)*

Да седе ныне медведь в тиунах! Не мало отчин, где тиуны медвежий вид имут, от тых и черный народ плаче. Смерть, клещи коваля! *(все в голос):* Смерть, клещи коваля!

(Скоморох Смерть становится задом к Медведю, Медведь передом к венику, между ног пропускают батог длинный, – конец батога подводят к венику.)

Скоморох Смерть *(кричит)*

Угрин дома?

Скоморох Медведь

Дома!

Скоморох Смерть

Што робит?

Скоморох Медведь

Мечи кует!

Скоморох Смерть

Аз людей клещила, косу изломила, пушай изладит!

Скоморох Медведь

Не час ныне тому! Князи землю руськую поганым продают, сам народ вои собирает – мечи ковать надо!

О л е г *(пьяным голосом)*

Мизинный люд! Глумотворцы над князи – рабы тиуны... *(пьет вино).*

Скоморох Смерть

Аз кузнеца уморю!

Скоморох Медведь

Надо править! Аз тиун, без правы морить не дам.

Скоморох Смерть
Аз – Смерть! Князь над князи, князь над бояры и над тиунами судия,
Уморя кузнеца, да усне.

Скоморох Медведь

Даде еси ми закуп – мори!

Скоморох Смерть

Зрел ты у смерти гривны?

Скоморох Медведь

Не зрел, но тиун без закупа Господу Богу пития не дасть.

Скоморох Смерть

Решим дело судом Божиим – берись!

(Начинается борьба. Смерть сзади норовит ткнуть в веник концом батога, Медведь не дает и отводит удар, но потом, как бы ослабев в борьбе, умышленно подводит конец батога к венику. Веник падает, на место его ложится Смерд. Смерть стоит над ним в головах с косой, остальные пляшут, бьют в литавры и свистят в дудки.)

О л е г *(стуча кулаком по столу, чтобы заглушить резкую музыку, кричит)*

Гей, гей, глумотворцы! Рабы, от ликования вашего туга велия гложет мя...

Скоморохи *(переставая играть, кланяются и кричат в голос)*

Не ущекотали ты, княже! Прости смердов!

О л е г *(строго)*

Не смерды вы – рабы! Гой, величание!

Скоморохи *(радостно)*

Смыслим, княже! Смыслим!

О л е г *(бросает им серебро)*

Славьте!

(Скоморохи выстраиваются в ряд)

Скоморох Коза

Княжое величанье!

Скоморох Медведь

Величанье поганых!

Скоморох Вожак

Княжое смыслим!

Скоморох Смерд *(Медведю)*

Сам брате поган! Поганым несть величания, им похул.

О л е г *(пьет вино, потом хмельным голосом мрачно)*

Гудцы вы, невегласы и лубяны!

(Скоморохи, не обращая внимания на слова князя, кричат)

В с е *(Козе)*

Играй, Коза!

Скоморох Коза *(тонким голосом)*

Благослови же, князь хозяин, ко двору притти да величание играть!

В с е *(кроме Козы, в голос)*

Величание красно угодливо!

Скоморох Коза

У хозяина двор на семи верстах, на семи верстах да на семьдесят столбах.

Все (*кроме Козы*)

Величание красно угодливо!

Скоморох Коза

А кругом двора княженицкого золоченый оплот со честным крестом.

Все (*кроме Козы, басом*)

Величание красно угодливо!

Олег (*громко*)

Вчуйтесь вси! Изгой князь не внемлет лганью вашему. Все поросло ковыль травой – в княжих теремах Олега воют пси, немочно им с бранной потехи зрети господина... Несть у изгоя ни соколов ни княгини, и не с кем заедино думати, а вы выслите величать князя со княгиней... худы вы, гудцы, глумотворцы, неразумны!

Скоморох Медведь (*всем*)

Што познали, братие? Аз мыслю, князю по душе величание поганых.

Все (*Козе*)

Козь, играй, а мы пособь дадим – возрим, лепо ли сие князю?

Скоморох Коза (*тонким голосом*)

В степях, степях широких, –

Во шатрах, шатрах из песьих скор, –

Жиром жируют поганые...

Все (*кроме Козы, басом*)

Там без церкви Богу молятся,

Вси болванам поклоняются!

Скоморох Коза

Не печено ядут зелие, не варено,

коньим млеком упиваются!

Все (*басом, кроме Козы*)

Очи ти у них-зеницы раскосые,

А и ртище у поганых – заслон печной!

Скоморох Коза

А и ноги у них колесом идут,

От конячьа сиденья да скоканья!

(*Олег кладет тяжелевишую голову на руки на стол и дремлет, не закрывая глаз*)

Скоморох Медведь (*всем*)

Зрите! Ущекотали сим князя!

Все (*кроме Козы, продолжая пение басом*)

Гей вы, враны, вы, поганые, –

Не бывать вам на святой Руси...

Скоморох Коза (*скороговоркой*)

Еже соколы гнезда Святославлева...

Олег (*вставая за столом, грозно и громко*)

Завечаю вам, рабы, слово княжее. Чуйте вси!

(*Скоморохи жмутся друг к другу и умолкают, глядя на Олега со страхом.*)

О л е г

Виденья ваши не опраты. Вретища не справны и черны, а тых хто краше витайет, не ведая хаєте... В степях половецких раздолье. Народ, язык велий, солнцу Даж-богу хвалу возносит! При деннице нагие девки с златом на власех, на конех сидя, в реку грядут конь купати – лепо и дивно! Гостя на гоститву приветят... не имешь жены – дарят в поминок жену – гость, что бог велий в степи, а наши князи половецких лестивостью имают... Клянутся – ротятся, детей в тали поводят вести, яко тати влекут от гостя детей и убойство чинят ханам – нас лжа яст! *(С удивлением и гневом разглядывает скоморохов, пригнув над столом голову, кричит):*

Теките прочь! Внеуду, гудцы невегласы!

(Падает на лавку, потом оправляется, садится и неверной рукой наливает ковши вина)

(Скоморохи осторожно и медленно выходят, оглядываясь на князя)

П о п а д ь я *(радостно, громко гонит скоморохов)*

Теките! Гомонят вам, так еще зеницы пялете, беси, тати безбожные, расскокались!

С к о м о р о х К о з а *(дразнит попадью)*

Бэ-э! У попа в кандиле огня нету, у попадьи в кудели черти копыта греют.

П о п а д ь я *(хватая помело)*

Окаяннии! Прости Господи. Борзо, а то зеницы побью!

О л е г *(тяжело подымая голову)*

Ты что?

П о п а д ь я *(поворачиваясь к столу Олега и кланяясь)*

Да бесей, муров гоню – скоморохов!

О л е г *(пьяно и весело)*

А, скомрахов! Невегласы, но они дело свое правили, яко смыслили – кличь их сюда в храмину!

П о п а д ь я

Пошто так, отче-батюшка?

О л е г

Гей, скомрахи – семо!

(Скоморохи возвращаются)

Вина жаждете?

С к о м о р о х и *(кланяясь)*

Жаждем, княже! Нажадали пития!

О л е г *(попадье)*

Влеку свою братину, вино, ковши! Князь-изгой пити поволит с рабами...

П о п а д ь я *(кланяясь)*

Смилуйся, княже! Не нуди стару бабу...

О л е г

Не нужу, но сходя со двора, запалим твою храмину!

П о п а д ь я *(испуганно)*

Спаси, Господи, от глаза и пожара! *(Спешно уходит, приносит с работницей братину, ковши и снова обе уходят)*

О л е г *(разливая вино в ковши)*
Люблю мизинный люд! И люд сей любит Олега-князя.

С к о м о р о х и *(в голос)*

Здравим князю Олегу!

О л е г *(Козе)*

Ты кто?

С к о м о р о х К о з а

Коза!

О л е г

Пий! *(Медведю)* А ты?

С к о м о р о х М е д в е д ь

Медведь аз!

О л е г

Пий! *(Вожаку)* Ты?

С к о м о р о х В о ж а к

Вожак медвежий!

О л е г

Пий! *(Смерду)* А ты кто?

С к о м о р о х С м е р д

Яз смерд!

О л е г

Пий, смерд! Смерд человек вольный... *(Смерти)* А ты что за див?

С к о м о р о х С м е р т ь

Аз – смерть!

О л е г *(мрачно)*

Ты еси, раб, смерть? Ты!

(Вскакивает и выхватывает меч)

Несть за раба головничества!

(Скоморохи убегают)

О л е г *(кладывает меч)*

Раб, с заржавленной косой во вретнице... Неvegлас худоумный, и мочно ли рабу мыслить то, что и князи не ведают?... Смерть! Безочимое виденье – кость и дух... да кабы ведать, что за гробом греха нет за земное, и нет за сие работы... *(стучит кулаком по столу и кричит)* Анна, Анна! Пошто взяла мою душу в работу Богу грозну? Я ненавижу и тебя и бога карающа. *(Наливает вина, пьет, склоняет на руки голову, говорит в полубреду)*. Брат Ярослав! вчуйся, брат, зову – тяжко ми! Тяжко...

(С усилием поднимается и кричит воинам)

Внеуду вси! Рабы!

(Воины уходят, входит попадья, высекает огонь, зажигает лучину, садится на скамью и прядет. Олег медленно идет к двери. У двери появляется в сумраке высокая стройная женищина в черном, на голове ее черный кокошник, шитый серебром.)

О л е г *(кидаясь к ней)*

Анна! Анна! Тебя ли зрю я?

Же н щ и н а *(останавливает его жестом)*

Олег, опасись града Мурома, тамо загинешь! *(Исчезает)*

О л е г *(как сонный подходит, обнимает пустое пространство, поворачивается на избу лицом, опирается о притолоку спиной).*

Как огонь свещника пыхнула, и нет тебя, Анна! Опасись града Мурома... что сие – сон? явь... оле! мутится ум мой...

ЗАНАВЕС

Картина III

Та же изба, что и во втором действии. Горит лучина. Попадья прядет на лежанке. Входят в избу Олег, Давыд, боярин Олега – Ольстин и бояре князя Давыда – Василь и Лазарь. Воины встают на свои места.

О л е г *(Ольстину)*

Гряди, боярин, опочинуть, на вечере один управлю с молодшими...

(Ольстин кланяясь уходит)

Д а в ы д *(снимая шлем и крестьясь)*

Благодарение Господу Богу-Отцу, не мало места текли и во здраве зде налезли братеньша Олега, князя единоколенна... Пускай же князи злобят на тебя, аз же возлюбих брата своего, яко повеле Господь!

О л е г

Давыд-князь и вы, бояре, сядите с нами за вечерю.

Д а в ы д *(Олегу)*

Аз да лобызаю тя, брате мой! *(Целует Олега)*

(Все садятся за стол, бояре крестятся.)

Гнал упредить тя, брате Олег! Зане грозятся князи Володимер, Святополк и инии на тя – учужали, что собираешь вои, что сии дружины текут, за тя потягнув, на Северские отчины, что мыслишь переяти Суждаль дерзновением своим...

О л е г *(наливая всем вина)*

Аз ведаю, что брат Давыд лестив и враг мне, яко инии князи, но искони презрел козни вражи. Аз себя одного боюся, и несть ми ворогов лютее...

Д а в ы д *(не обращая внимания на слова Олега)*

Ну, здравим дерзновенну и доблю кметю князь Олегу! *(Подымает ковши, все подымают ковши, кроме Олега, Олег молча пьет, Давыд продолжает вкрадчиво).* С того года, яко заедино текли на половци с Олегом братеньшем, пировати нам не доводилось, ныне славлю Господа Бога моего, аз обрадован неречимо словесы...

(Олег молча пьет)

В а с и л ь *(заглядывая в ларец Олега, Давыду)*

Зри, княже, князь Олег, кметь доблий и хозяин велий, к становищу не гонит на пуге: в ларе ковши, братина, байдан с доспехами, секира, тулья и лук!

Л а з а р ь *(заглядывая тоже)*

Ларец малый с алмазами, обьярь, парча, зеркало медяно *(Давыду)*. Зри, княже! Болван из земли половецкой, злещеный, и не един, а многи...

Д а в ы д *(боярам укоризненно)*

Полно вам, бояре! Братеньш Олег не любит сего. Тако да не зрите в ларь, не млады есте дети вы... *(Наливает Олегу вина)*

О л е г *(пьет, Давыду)*

Не прети им, да зрят! Аз мыслю и не познаю пошто, на кую потребу налезли есте мя? Все врази ми, чую сие... И ты, Давыд, зол еси на мя за Всеволожские отчины...

Д а в ы д *(вскакивая за столом)*

Брате Олег, единоколенный брате! Пошто чинишь на срам сей? Не лзе бе ми на тя худо мыслити – роту даю на Господа Бога узря – на судию тиуна небесна! *(Крестится)*. Аз не мыслю худа! Повели – дружину подтяну к Мурому, да потягнет за тя, брате! Ну, здравим? Пей и ты, не держи лиха! Аз бысть талем ти, в Тмутархе да пусти мя, мочно ли ми лихо думати?

(Наливает вина себе и Олегу, Олег пьет, а Давыд отодвигает к Василию свой ковш, Василь придвигает свой порожний, Давыд делает так, как будто пьет.)

О л е г *(Давыду)*

И тебе мнится, что я на Муром прати умыслил? Аз же иду на Ростов!

Д а в ы д

Брате! Да иду и аз на Ростов. Аз не лестив, пей, здравлю тебе! *(Пьет)*.

О л е г *(пьяным голосом)*

Зане с Борисом притекли с Тмутархи за правдой!²² На Нежатине ниве в сече с князьями многи бысть убит Борис,²³ я в мале дружины бежал с поля, но меч мой и десна ведают, яко умре Изяслав киевский...²⁴

Д а в ы д *(боярам)*

Чуйте, бояре! Братеньш Олег не любит лжи, то правда: неведомо есть доселе нам князем, кий кметь посек Изяслава смертно...

О л е г *(гордо)*

Чуйте, вси! Несть пятна на мне, бо я изгой! Но нельзя бо лицемеровати со мною.

Д а в ы д

Мы не тиуни и не послуши, мы баяны, чтоб славить дерзость твою, братеньш. Не лицемеруем!

О л е г

В оно время с отця стола попрал мя Всеволод,²⁵ в гридях водил, скопец его княжой был ми пестун и шопотник до князя... в ноци с княжими рабами Всеволоду пяты чесал, но ведают вси стол черниговский, стол отец моих! Я же бежал в Тмутарху.

Д а в ы д *(весело)*

А ныне Олег князь велий дерзновенник! Здравлю доблю кметю и воеводу Олегу.

О л е г *(поднимая ковш, пьет и, склонив над столом голову, оперишь на руки, говорит мрачно)*

В Чернигове в тереме княжом едино место есть язвено – в стену родитель князь шиб яндову серебряну, и зубами скрегчал, и бился главой о стол, и сие не единожды...

Д а в ы д

Пей – да здравлю тебе! Аз ведаю – дано от Господа ти дивно зрети... и вем сие аз: с Тмутарха в Новгород Олег-князь грядет с войми, а узрит дивно – взратится от сечи вспять, без нужи ронит стяг, и с поля течет в туге велией, и бражничает, поемши ужась, неведому иным... и вем аз сие, что брат Олег ни в терем, и ни в изобку малу не влезет, не обнажив меча – то врагов пытается?

О л е г *(смеется пьяно)*

На врагов? А не мнишь ли ты, князь, что Олег презрел врагов и не их, а волшвения ужасеся. Дивно зрел... да *(тихо)* чуй...

Д а в ы д

Чую тя, братеньш!

О л е г *(очень тихо)*

Бог грозный, что берет ми душу лжеимец...

Д а в ы д

Ужели в правде, брате, боги поганы?

О л е г

Погану богу кровь сечи благостна! Взывая к нему, аз моя десница держит меч крепко... Бог же хрестьянский за кровь клещит души, а ты и, хто ведает от бога сего, епископы попушают князей на кровь и рекут лестиво: «Кровь хрестьян есть кровь, и потребны за кровь сию клещения за гробом...» Мыслью аз: всяки крови страшны, али никому же несть работы на другом свете за кровь людей?.. *(Подняв голову, злобно и громко почти кричит)*. Пошто текли искушати мя лестивостью? Мыслью опочинути – да отыдите рабы хитры сего брашна!

Д а в ы д *(встает из-за стола с боярами)*

Слушайте, гриди! Али не чули господине рек, теките из храмины вси!

(Воины с фонарями уходят, Попадья зажигает лучину. Олег кладет руки на стол, на руки голову и дремлет)

Д а в ы д *(отводя бояр в сторону, тихо)*

Еще мало, и опочинет в зле сие Олег. Ведаю, быти ему яко худоумну, зане паче водится с безумием. Гридей его отвести, да не налезут Олега – мы же окрутим князя ужищами и до дружины борзо...

(Уходит. Уходя, Давид подтягивает меч и надевает шлем.)

(На сцене все темнее, потом начинает проясняться, видно обширное подземелье, в глубине его дверь с крестом. На первом плане, слева и справа от зрителя, стоят два ангела в белых одеждах, с мечами. В глубине пещеры и на первом плане лежат в различных позах скелеты с крестами на груди, с кожаными поясами, на ремнях тоже кресты. Из глубины сцены слышен голос Олега, похожий на стон.)

Г о л о с О л е г а

Сие от мене и Боняка хана! Ужасны ми силы Бога карающа...

(Видение медленно тускнеет и расплывается. В сумраке видны стол и голова стящего Олега. Входят крадучись Давид-князь с боярами, в руках у них черное покрывало и веревки.)

В а с и л ь *(подходит к столу, приподнимает Олега)*

Вчуялся ли, княже, посторонь сего становища рокочет трубля?
Д а в ы д (*помогая вязать Олега*)
Борзо, бояре, на конь и к Чернигову, гриди Олега отозваны, а дружина наша близ...

О л е г (*в бреду*)
Боже карающий, щади мя! Аз вередил мнихов!
Д а в ы д (*Олегу*)
Аз еси от Господа! Да ввергну тя, грешный убойник, в узилище!
(*Бояре покрывают Олега с головой черным покрывалом и уводят.*)
П о п а д ь я (*сидя, оглядываясь, крестится*)
Слава ти, Боже наш, отче-батюшка! Утекли с грозой. (*Слезает с лежанки, подходит к окну, глядит на двор*). Людно да огненно, паси Господи от князей и бояр, послы на постой ми черный люд! А поп забражничал, безбожник. Паси Боже от глада – пожара...

(*Дверь медленно отворяется, входит бродяга, осторожно крадется к столу, наливает из братины Олега вина, пьет и громко крикает.*)

П о п а д ь я (*оглядываясь*)
Ты что пакостишь, худа котка?..
Б р о д ь я г а
А по молитве твоей притек, мати, – учул молишь: «Послы, Боже, черных людей», меня и шибло к брашну, а ту питье княжое. (*Норовя налить еще вина*). Добро питье. Жира княжа...

П о п а д ь я (*вырывая у бродяги ковш*)
Тать! Из княжего судна лопать!
Б р о д ь я г а (*хватая другой ковш*)
Теку, вот, с сим! А тебе за кузнию серебряну в погребѣ быти..
П о п а д ь я
Ахти ми! На, лопай! (*Придвигает вино*). Пасись, узрит князь, сколь вина убыло – гроза ми.

Б р о д ь я г а (*пьет вино, потом утирается и говорит*)
Ой, художна! А еще попу подружие, али то бражник, кой на пиру питье мерит? (*Кланяется*). Прости-ко. Путь не мал – теку на Суждаль князю Олегу в послугу быти... (*Нагибается к ларцу Олега*).

П о п а д ь я (*толкая его*)
Да иди! Зеницы пялит, яко пес на мясно яство, теки!
Б р о д ь я г а
Зрю, мати, на ларь княжой и мною: не забыта ли ту где моя гривна?..
П о п а д ь я (*выталкивая его из избы*)
Теки, худой! Ногаты не стоишь, а гривна – зрел ты гривны, голец?
(*Бродяга уходит. Близко звук трубы, вскоре входит Ярослав с Олегом.*)
О л е г
Реки ми, брат, как зрел мя едина на конь и в запоне?
Я р о с л а в (*высокий воин, молодой, стройный, в доспехах и шлеме*)

Налезли есть ростовцы, иду с воями и чую, о бок лясают мечи, зане течет дружина и ладит путь на Здвижень; дозреть слал верхий вой в шепотники на ту дружину, а дружина иде тя переять, и вдох аз сию дружину своим воям на щиты – побил ю... ближе к Здвиженю ты тек зрю Давыд-князь с бояры, яко волцы в бег и в лесах укрылись... почуял аз, что ты на конь един на лядине и наладил воев за Давыд-князь, да ти врази текли не ополонясь, а тебя пояли и вспять к становищу, а zde гриди ишут тебя с светычами...

О л е г

Опочинул аз – ужасны стены душу вередили мою, рыкал аз и зрел за гробом в тме лютой... чую влекут мя, но кия силы – не вем!

Я р о с л а в (*садясь к столу, не снимая шлема*)

Переключать волили на врази, взяв тя в путины. Аз же не мало время вести не слал, да доспел добре...

О л е г (*расхаживая по избе, опустив голову, подходит к Ярославу*)

Туга подступила к сердцу... становище яко керста смраднa бысть ми, брат единачадный, дай лобызати тя! Люблю, верю – аз не один ныне...

Я р о с л а в (*снимая шлем*)

Али не верю и не люблю тя?.. (*Обнимаются, целуются и пьют вино*). Ты ми – меч мой, десна моя, не будь Олега, Ярослав, яко навий, мертв! Ты бодр, и ведаю аз, что ми створити во всяк день...

О л е г (*опуская голову на руки*)

Много крови лием, брате!

Я р о с л а в

Зрю ныне с тобой не то, что преже... что кровь? Кровь – вража.

О л е г

Не врази страшны ми, брате, души своя страшусь!

Я р о с л а в (*вскакивая*)

Брат Олег! Время ли верить снам и коби?

О л е г

Кобью не метал. Гадать о судьбе не мыслю, ибо чую кончину люту (*тихо*), чуй... чуй мя!

Я р о с л а в (*пригибаясь к Олегу*)

Чую!

О л е г (*как в бреду*)

Вси вороги ведают, что аз доблий кметь, на конех и пешь, но не ведают, что душа моя, яко душа жены скорбной... у Анны душа кметя-воина, а вид ее, лепой жены, да повлечет ее душа мою в работу на ню, ибо возлюбих вид ее по гроб мой и не иму силы дати забвению сие... Ныне на Муром ми последний путь... помыслил аз братися с нею до смерти и, еже не поврещу Анну, да поврещет мя душа ее! (*Громко*). Узришь дивно, брат! Поврещу Анну – отрину ее волшвление. Отрину, да здравим мы на многие годы! А врази? Врагов много из веку не страшилсЯ. (*Тихо*). Поганы боги познал с Анной, возлюбил кровь... Анна поганы боги попрала, Бога ради хрестьянского, и ныне ее душа грозит ми и к грозну Богу путь требит... Бог грозный един, един карающий за кровь. Ты чуешь?

Я р о с л а в

Чую! И мы течем на Муром и Новгород, яко огонь, кие бы сны и стени не вередили душу Олега.

О л е г

Радуюсь, что зрю тя, брат мой! Радуюсь!

Я р о с л а в (*расхаживая и останавливаясь*)

Ныне же реку! Не время станям предати душу – зри всямо: лядина, на ней мечи, шеломы, простерты мертвы вои, познаешь, чье поле? И внемлешь: то брат на брата прали делили дел... Налезешь дружину мыслишь – вои наша, а та дружина на тя – все вороги! Вчуйся – zde вотчины делили, ту доблих имали... дружинником познался – влекут в сечу с собою, князем рек ся – ополонить мнят и очи вынуть. И дивен аз, брат Олег! Где твоя былая мощь? В боях без чета загнал конь, шелом в сече ронил и бился с непокрытой главой... Я чул и зрел в бою – яко ветр ты! Скрегчали на тебе обломки лат, от пят до главы уязвленный стрелами, тек по брани, врази бежали, где проносился Олег-князь, и имя сие грозно не едину кметю...

О л е г (*мрачно*)

Ныне аз зрел Анну... Чуя глас ее: «Не иди на Муром – згинешь». Страшусь любовна гласа, и жадет душа чуть его.

Я р о с л а в

Да идем на Муром!

О л е г

Не ведаю, брат, пожду еще мало.

Я р о с л а в (*бросаясь к Олегу*)

Ты опочинул брат, и ныне сон берет тя! Кой дух, кой див пожрали твое дерзновение? Чуй мя! Чуй! (*Бьет себя в грудь*). Брат Олег! Молю тя! Молюсь, яко Богу! (*Падает перед Олегом на колени*). Аз ростовцев повел – налезь ты на Суждаль и на Муром, а там на Новгород идем, восхапим власти наша. Суждальцы не верят ми, но тебе же подколенны, и речи веси, кими потребно возвать к народу.

О л е г (*вставая и поднимая Ярослава*)

Не мочно тебе во прах! Ты дерзновенный кметь, и ужас поля не берет душу твою, и крови жадешь ты, аки Перун, и, зря на тебя, возжажу я крови – иду на Муром!²⁶

(*Торжествующе и дико*)

На Анну иду я – и кто победит из нас?!

Я р о с л а в (*радостно*)

Пью ковш последний! Здравлю воеводе князь Олегу! Брат, пей и ты последний, и на конь!

(*Пьют.*)

О л е г (*кричит*)

Гой! Суду! С одрины рухло княжое поять, и окрутить конь борзо, эй, борзо! (*Входят отроки и воины.*)

ЗАНАВЕС

Картина IV

Большая площадь, запруженная народом; справа и слева по сторонам площади закрытые лари – лари выходят задом на площадь. Торговцев не видно, но слышны их голоса, зазывающие народ, иногда в прогалки между ларями проходит народ с площади и на площадь, вдали храм, окружен тыном. На первом плане стоят двое и рассуждают громко: монах и смерд.

С м е р д (*монаху*)

Али стригся в чин? Пошто окрутился в чернецки ризы...

М о н а х

Не стригся, грешный! Аз реку ти: влечет душу к обители... Зане окрутился от неисправности мирска вретиса, а монаси порты сии даша.

С м е р д

Зрю, ты, брат, Панфилие, от нужи шибся в чернцы! Отколе будешь?

М о н а х

Из Полоцка – от бед притекох, ниспосланных Господом на град сей...

Г о л о с т о р г о в ц а

Зрите – котлы, чаши древяны судна, кому надобе сватьба гоститва!

Г о л о с

Ладны отопки бабицам!

С м е р д (*монаху*)

А што злоключилось в Полотьске?

М о н а х

Полочанам по грехам быша от Господа чудеса явлены – беси текли по граду сему и день и ночь язвили всяк люд язвами. Половчаны, в домех сидяще, плакаша с молитвой, а кии вылезали на стогны – гинули.²⁷

С м е р д

Спаси, Господи, от лиха! (*Крестится*)

М о н а х

В пути обретох поучителя, ныне мнит на торжище поучать всяк народ правде Божией....

С м е р д

Ну, прости, брат Панфилие!

(*Расходятся*)

Г о л о с т о р г о в ц а

Сюда, сюда! Яство – сюду! Хлеб с маком, коврижки, хлеб с медом – добро ясти!

Г о л о с с у з д а л ь ц а

Вчуйтесе, старцы градские! Бояре-народ! Да потягнем за князь Олега! Князь Олег дерзновенный кметь!

Г о л о с о г н и щ а н и н а

Что худо мнети? Удал князь, хоробрый Олег, от поганых ни на пядь, а в Суждале ин год лишь головни оставил!

Г о л о с с у з д а л ь ц а

Лжа! Лжи не чуйте, старцы! Не Олег головням предал – половцы предали!

Г о л о с б о я р с к о г о с ы н а

А поганых хто вел? Олег! Нешто он князь? Тать! Убойник, поган!

Г о л о с о г н и щ а н и н а

Али не чули? Ныне на вече князь Давыд поведал: Олег Василька теребовль-ского князя темнил, на Нежатине убил Изяслава киевского.²⁸ Се ли то князь, а не убойник?.. Эй, хто чул?!

Г о л о с а

Многи чули! Чули про сие, чули!

Г о л о с б о я р с к о г о с ы н а

Олег – изгой! Изгой нами не княжат! Лжеимец, еретик!

Г о л о с б о я р и н а

Что тут? Не потягнули Давыду Игореву, чем лепее князь Олег – не потяг-нем! На пусто кровь лить русьскую... Не вем, пошто головы ронить.

Г о л о с т о р г о в ц а

Убруси шитые, камка, обьяр, тафта от византинцов! Скорлат черлений!

(На возвышении встает монах.)

М о н а х *(кричит)*

О! Ну-у! Из Печерски обители аз! К вам, людие! Все не христианы – вси аки поганы, о! Не зрители Христа. Тма обуя вы, не чуєте гласа Божия, упиваетесь, ядите жадно, аки пси; пишанию, скоканию бесовьску скоморошу внемлете. Не ради ти ни церкви Божией, ни обители Господней и не чтите князей, бояр – господу вашу! И вопрошу вы – помните о себе, кий прибыток от вас отчине? Кни красы уготовали себе вы? Едино толико вержение душе и телу своему!

Г о л о с т о р г о в ц а

Рукавицы, кожны и полстяны, перстаты! Рукавицы!

Г о л о с м о н а х а

О! Ну! И реку ти, родовитой! Зане лестишься возношением, не лести ся всуе, не реки праздно: отний час ми, боярин, а мученики за Господа Бога братие! Помысли преже, позри в душу свою, не поган ли еси ты? Не от вас ли блазнения на рабы ваши? Не от вас ли вожделения к бесовским играм и скоморохом? Не от вас ли прельщения суеты вселеней? От поганых жон не имете ли вы? То ли блазнение, угодное сатане?

Г о л о с и з т о л п ы

Чу-ко, мних, пригони к торжищу бочку икры от монастыря вашего, ладно будет ти!

Е щ е г о л о с

Лепее, во-во!

Е щ е г о л о с

Зри, худ! Он и сам жадет ясти, да монастырь и ему не дает!

Г о л о с с у з д а л ь ц а

Старцы градские и людие! Не растекайтесь в хоромы, вече станет ту-у!

(Монах сходит с возвышения)

(Колокольный звон)

Г о л о с   н а с е л ь н и к а
В церкву иде люд! У попей настование и нам зреть сие не грех!
Г о л о с   с у з д а л ь ц а
Да прикажем Олегу с нами на Муром прати!
Г о л о с   в о и н а
На Муром потягнем с князи!
Г о л о с
А где же князь Олег? Пушай говорит!
(Колокольный звон)
1 - й   г о л о с   н а с е л ь н и ц ы
Пошто звон клеплют колоколо?
2 - й   г о л о с   н а с е л ь н и ц ы
Попи окручивают пископа!
3 - й   г о л о с   н а с е л ь н и ц ы
Слава ти, Боже!
Г о л о с   с м е р д а
Али не зришь? Хижу не руби, смерд, близ княжого гнезда – в холопах
быти. *(Проходит)*
П ь я н ы й *(поет)*
Оженился князь во двенадцать лет,
Взял княгинушку девяти годов...
Г о л о с
Бражник! Лжешь, князь Ростислава в Суждале Рюрик оженил четырна-
дцати лет на осмолетней.
П ь я н ы й *(поет)*
Жили пожили ровно три года,
На четвертый год княже мутен стал.
(В толпе проходит скomorox с козьей головой.)
П ь я н ы й *(скомороху)*
Скомраше! За гривну скочи и гуди!
С к о м о р о х
За тя, бражник, пол ногаты с гуней купля!
П ь я н ы й
Лик телячий! Кошачий хвост – песий ты сын!
(Поет)
Он к мощам притек чудотворным.
Зрел князь велий храм горня Киева!
Г о л о с   в о и н а
На Муром потягнем за князь Олега; яр, дерзновенен доблий князь!
Г о л о с   н а с е л ь н и к а
А не прикажем такому князю – набегут половцы. Пасись тое поры!
Г о л о с   о г н и щ а н и н а
То лишь новгородцы волчья хвоста бегают; хто новгородец – бежи!
Г о л о с
Ой, лжешь, боярин! Не новгородцы, то – ляхи!

Г о л о с с у з д а л ь ц а
Потребно дея ради Олега – князя вече совокупить!
Г о л о с б о я р с к о г о с ы н а
Ведомо всем! Давид-князь поведал – Олег поган, али хрестьянину за погана прати?

Г о л о с
Изяслава киевского убил на Нежатине!
Г о л о с в о и н а
Битых не мало – хто бит от князей, тый на санех везен, и попы пели – потягнем за Олега!

Г о л о с б р о д я г и
Ой, суждаляне! У Олега лари златой кузни, кади вина, да идем вси за Олега-князя – щедроимец!

Г о л о с (*бродяге*)
У, ты, голяк! Черно вретище!
Б р о д я г а
И ты не тафтой кручен!
(*В другом месте, ближе к первому плану и правее на площади.*)

1 - й г о л о с
Гэй, тать! Вчера фофудью уволочил, а ныне наг!

2 - й г о л о с
Сам убойник, разбойниче лютый! Не тя ли влекли по торжищу – пси верещали?!

П ь я н ы й
Ротиться в дома не воротиться.
(*Поет*)

А на пятый год он на вспять потек,
Ему встренулись древни женуши!
(*Указывая на бродягу*)
Зрите, огнем, водой пытали сего – а изжил!

Б р о д я г а
Бражник! Яз из княжого ковша вино пил, с князи речи вел, а ты – смерд!
П ь я н ы й
То-то округился в корзно княжо, все уды внеуду. (*Смеется*)

(*В толпе проходит бирюч.*)
Б и р ю ч (*кричит*)
Кто из народу восхощет в холопи огнищанину Ингорю? Да иде на торг к церкви-и!

Г о л о с
Ингорь не в закуп ловит людей, а вольных имае в работу – пасись народ Ингоря!

Б и р ю ч
Хто не из тых, что сбегли от господина! Да иде Ингорю-боярину в закуп на серебро-о!

4 - й г о л о с

Пошто прешь, ежели на торгу дался в холопи!

5 - й г о л о с

Вем, што ты на рабе оженился, и тож холоп – раб, а я молчу!

6 - й г о л о с

Зрю на тебя, бить-убил, да виры князю не платил!

7 - й г о л о с

Эй, народ! Во ту – тиуний шепотник!

Г о л о с а

Кде бесов брат?... Кде? Кде?

7 - й г о л о с

Зри – потек! Во, во – утек бес!

П ь я н ы й *(поет)*

Видом старицы черноризицы,

И рекла ему одна старица:

«Несть палат твоих белокаменных,

Теремов твоих злаговерхиих».

(Издали, от собора, идут бирючи и кричат. Один из них бьет в набат, привязанный на груди.)

1 - й б и р ю ч

Эй, народ! Зде вече станет!

2 - о й б и р ю ч

Люди градские! Торжники и мизинный люд! Гонят на конех к Суждалю
Олег-князь с Ярославом братом!

1 - й б и р ю ч

Да судите по совести и разуму на вече с князи; не деля свады совокупитесь,
а ради обча дела.

(Уходят; звонят в вечевой колокол. Толпа жметя к середине площади, на первом плане, свободном от толпы, проходят Олег с Ярославом.)

О л е г

Не иму, кде опочинути, клонит ми главу ко сну!

Я р о с л а в

Становица тугой мучат, а на поле сон – не добро сие!

О л е г

Еже зрю толпу – недугование оставляет мя, и жадет душа крови!

Я р о с л а в

То на радость ми, да идем на вече, брат!

(Проходят в толпу)

1 - й г о л о с

Доблий воин князь Олег!

2 - й г о л о с

Лих князь Олег!

3 - й г о л о с

Здрав буде, княже!

(Олег встает на возвышение и ходит, разглядывая толпу.)

1 - й г о л о с

Эй, княже, рыкай! Чуюм ти, чуюм!

П ь я н ы й *(поет заунывно)*

На дворы твои княжецкие
набежали нынь злые половцы!

Г о л о с

Бражник, теки на керсту плачь!

2 - о й г о л о с

Дай чуть князя!

П ь я н ы й

Чуй, а он молчит!

(Поет)

И рекла ему четом третия –

Молода жена, опоганена!

О л е г *(громко)*

Суждальцы! Старцы градские, люд и торжники и ты, мизинный народ! Иму ли я, как от ростовцев, что потягнули за меня и вдались ми ваше лагожение?

Г о л о с а

Имаш, имаш, князь! Имаш ты!

Г о л о с б о я р и н а

Имаш, ибо кметь доблий, да не ваби ны – не потягнем!

О л е г

Зане жадете ли браной славы? Хто жадет да идет за нас на Муром и Новгород!

Г о л о с о г н и щ а н и н а

Эй, суждальцы! Пасись грозы! Али не весте вы, что в Муроме и Новгороде седоша на столе Володимирычи, а ведомо ли вам есть, что десница Володимера крепка, очи его неусыпны, не впусете сие, что род его пошел от хитрых грек – ныне же от Володимера и иных князей иде гроза на Олега! Был сбор княжий, судили имати сего князя Олега за крамолу – пасись народ! Не лзе дружину дати тому, хто под грозой тече, не мочно потягнуть за тыи князи, кии у многих поруганы!

О л е г *(оживляясь и выхватывая меч)*

Хто зде подколенен Давыд-князю? Хто еси на князь Олега поклепец? Ведай, народ! Володимировичи на моих отчинах седоша, мой хлеб поедают. Давыд, шепотник Володимиров, налгал вам, люди суждальские, он ослепил Василька, мыслил мя слепити ем безоружного и в сне лютем, да самому прилучилось огребатись, и дружина его, коя текла пояти мя, побита от нас! Иной грозы нет, и гроз Олег не страшится. *(Некоторое время молчит)*.

Г о л о с а

Што рыкать спуста!

Потягнем вси – поклепцев не чуюм!

П ь я н ы й *(поет)*

Зде повергся князь на сыру землю!

Г о л о с б о я р и н а

Бражник! Вдам ти бирючам в батоги!

О л е г *(вкладывая меч)*

Завечаю вы истое слово княжое! Подъемлю всю землю половецкую от Тмутарха до Киева! Восстанут вежи ханов Боняка, Куря и иных князь с Тугорканом за Олега; али не зрели вы сего в оны дни? Реките ми крепкое слово не кривое, не ведите купли с душой вашею – славы бранной жадете, али же головней града Суждаля – сие да будет вы!

Г о л о с а

Да идем за тобя на Муром!

Веди на Новгород!

О л е г

Не за кривое дело идем – за правое! Поклепцев Давыд-князя и Володимера уловите, еже бысти им в погребах.

Г о л о с а

Чуем!

Изладимся-а!

(В толпе начинается возня и крики.)

Сей, сей, во-по, хватай!...

(Кого-то волокут и бьют.)

Г о л о с а

Так ему! Не чините убойства!

Языка надо! Иний суть! В погреб! В поруб!

О л е г

Старцы градские, бояре и черные люди! Роту даю вам о Господе, да не кривлю душой – все, что есть ми подколенно, – сподручным станет вы, и князь я вам без полюдья.

Г о л о с а

Веди, князь!

Тецем вси!

О л е г

Вдавше ся ми, не кайтесь унийно! Не кляните князи за кровь, бо глава моя стоит вас, и враги ю познают главой кметя добля. Я же не берегу ю для ради брачной ночи! Ныне же правьте уклад наш и вои нарубите!

Г о л о с а

Течем, князь Олег, сберем дружину!

(Олег сходит с возвышения, уступив место Ярославу.)

Я р о с л а в

А штоб щекотно было люду Суждаля-града чуть боевую трублю и гогот коней бранный, пригнал Олег-князь к Суждалю десять кадей вина и пять кадей меду попряного!

Г о л о с а *(радостно)*

Се князи! Здравим Олегу! Здравим Ярославу, брату его!

Б р о д я г а *(кричит)*

Старцы, молодые и смерды, вси за князи, чуй мя, господине, гольца суща!

Г о л о с п ь я н о г о

Ау, отцы, братие! Добре ротиться худу – домой воротиться, а где княжое вино?

Г о л о с

Батогов не жадешь?

Г о л о с п ь я н о г о

Батоги не пироги – у бочки всяк песий брат – болярин! *(Поет)*

За сородников, за убойников стань кандилом, князь, Богу Господу!

(Вече расходится, толпится народ. На первом плане выкатывают бочки.

Проходят мимо Олег с Ярославом, толпа снимает шапки, кланяется и шумит.)

Т о л п а

Здравим!

ЗАНАВЕС

Картина V

Перед Муромом. Обширное поле, справа от зрителя оно уводит вдаль к косогору, на поле группами стоят воины. На первом плане справа стоят также воины в доспехах, с луками, секирами и копьями. Вдали слева сцены занимает деревянная стена кубической постройки, обрытая земляным валом. Вправо в стене высокие запертые ворота. Перед воротами с левой стороны стоит Олег в панцире без рукавов, с щитом, копьём и без шлема, недалеко стоит воин, держит княжеское корзно Олега и шлем.

Еще правее и ближе к зрителю стоит Ярослав в боевом вооружении и шлеме.

О л е г *(делая шаг к стене и глядя вверх)*

Без шелома гряду к тебе, князь муромский, мы есмы одного гнезда князи – да не льем крови русьской, не держим между нами рать!

Г о л о с с в е р х у

Пошто идешь на Муром?

О л е г

Не единожды слал ти епистолию – бысть наряд мой! Сойди, Изяслав-князь, со стола отец моих, иди к отцу твоему Володимеру, кий попрал мя без правды, яко изгоя, с отчины Мурома-града.²⁹ Али ты, князь Изяслав, жадешь крови, дела ради сего не чуешь ны, али мнишь с нами драться в поле?

Г о л о с в в е р х у *(громко)*

Дати трублю!

(Трубят на стене)

Г о л о с *(обращаясь к дружине Олега)*

Людие ростовски и суждальски! Али не ведаете, хто есть Олег-князь?.. Зрю на вы и мню, что не ведаете сего, яко дети млады, ибо навалились дружиной велией на град Муром! Вчуйтесь в слово мое: Олег тмутараканьский из веку изгой и крамольник поган. Пошто зрю на вы, кмети добли? Пошто чую, яко да не брежете вы, людие ратны, грады, терема и хижы ваша от злые беды? Ибо вы кмети ростовски и суждальски потягнули за крамолу... Град Муром священ от Господа Бога и от отец епископ праведных, и аз его, князь Изяслав, ставленный от княжой думы обчей и воителя отца моего, печальника за землю русьскую!

Рците ми, хто есть ныне из князей превыше Володимера переяславского, князь черниговского? Ведомо всем – вси князи текут за правдой к Володимеру! Олег же князь богоотступник, он с половцы³⁰ многожды попалял монастыри, церкви Божии, сеял в прах грады и веси ваша, избивал, яко еретик лютый, полей, епископ и мних праведных! Рците же ми, хто ныне из вас стоит за лжеимца и отступника Божия? Али не ведаете, что и ныне, яко в оны годы, сгубит он вы, наследие ваше предаст поточению, рухло ваше восхищению, чадь вашу убойству лютому!

(Олег жестом велит трубить. Воин, стоящий сзади него, трубит.)

О л е г *(громко, глядя вверх)*

Ой, Володимерыч! Младый пес-выжлец, отца нечестива, поправша многи князи с отчин деля ради щенят своих... Ныне Володимера сыны седоша на столех всея Руси Киевской и Северской,³¹ ибо мнит Володимер, презрев правду княжую, зяяти Северскую Русь, како заял Русь Киеву, да не будет сие дондеже жив Олег-князь! А ты, щеня Володимерова, тебе ли, малый воин, хаяти мя, я правил наряды ратны, ты же где был? Аз реку ти, где витал ты: на грудех мати своя! Рци ми, дальна ли та пора, егда мизинный кметь Изяслав доил грудь подружия Володимерова? *(В рядах воинов Олега слышен смех).* И ныне вознесшися к небеси коришь ми угрозно и глумотворно. Да иде к нам небесный лик! К нам, сущим во прахе, да зрим тебя, и копие метнешь в ны, яко воин, а не див незримый! Али, малый кметь, тебе потребно поражати ны единой лестивостью с гор оплота градна, внемли же ми ныне! Гряди на бой, отринь запону теремну от жены, в кою окрутился еси, яко един из детей, зрящих на поле ратне. Где ты, глас женский, дай зрети тебя!

(Ворота Мурома распахиваются спешно, выходит Изяслав, окруженный грядями, он в шлеме, с мечем, в панцире, с копьем, но без щита.)

И з я с л а в *(кидаясь вперед, кричит)*

Аз сде есмь, лжеимец крамольный!

(Кидает в Олега копьё).

(Олег, закрывшись щитом, кидает свое копьё в Изяслава. Изяслав падает, его подхватывают и уносят. Воины Олега бросаются к воротам, но он жестом останавливает их и велит трубить. Воины трубят.)

О л е г *(глядя вверх на стену, кричит)*

Гой, муромцы! Старцы градские, гостинный и мизинный люд! Завечаю вам слово княжое, да чуйте вси вы. Ныне зрели вы, яко вершился суд Божий над Изяславом-князем, кий противу правды седе на столе отец наших! Не быти от вас замченным вратам града пред ликом законна володетеля вашего, и несть от ми злобы на Муром-град!

(В городе начинают заунывно звонить в колокола. Олег снова велит трубить и кричит.)

Люди и дружинники муромски! Не попустите на копие воям моим поять град Муром! Не попустите ны зла деяти, чтоб вои князя Олега пороками али головнями повергли в прах оплот градской! Чуйте мя?

(В ответ на слова Олега со стены срываются камни и сыплются стрелы.)

О л е г *(надевая шлем, кричит воинам)*

Потягнем, добли кмети, на Муром-град!

(Дружины выстраиваются на два отряда. Воины толпятся с лестницами, иные стреляют из луков, в одном месте ломают стену, в другом поджигают. Дым заволакивает сцену, смутно видны воины в шлемах, растаскивающие обломки стены. Слышится громкий голос Олега.)

О л е г

Кмети, не восхищайте собины градской – не убойствуйте!

(Постепенно шум битвы стихает, проясняется, на сцене видны в стороне обломки стены. Торчат запертые ворота. Картина меняется: за стеной видна большая площадь. Садится солнце, озаряя вдали терема и церкви. На площади на возвышении стоит Олег и кричит народу.)

О л е г *(кричит)*

Люди муромски! Мыслю имати ваше лагожение! Мыслю в правде седети на столе отец моих! Хочу быти кормленщик вам!

Г о л о с а

Кормись, княже наш!

Едино, что Изяслав, то ты князь!

Ладен ны, ладен!

Не мы не поволрили тебя – бояре!

Лютых посадник да тиун не сади!

Иных от Изяслава ввергни в погребы!

Волшвенку княгиню Изяслава на костер сли!

Дажь ю нам! Погана Анна!

О л е г

Народ муромский, гряди в хоромы своя, а еже в церковь, то бей метиния Богу и ведай, что отец тебе Олег князь, а не враг!

Г о л о с а

Анну, Анну на костер!

Народу дажь ю! На-а-ро-ду-у!

О л е г

Народ, тии из вас, что попустят самовластием имети Анну – суть враги ми! Да не зрю я самовластия сего! Аз не возлюбил лжи, и аще душа моя не опасается волшвления, и Анна волшвенна есть, то да будет тако, яко требуете! И един аз клещу княгиню!

Г о л о с а

Чуем, чуем!

Изяслав опасе ю! Ты же клещи волшвенну жену!

О л е г

Отныне аз князь Мурома, мне подобает править княгиню... Вы же идите в хоромы и ведайте – князь Олег не вожделеет лже и волшвеннию.

Г о л о с а

Чуем ти!

Тецем!

Славим ти!

(Темнеет, толпа расходится.)

ЗАНАВЕС

Картина VI

В пригородном тереме Изяслава, князя муромского. Большая мрачная горенка с нишей, в которой стоит резное сиденье, покрытое голубым бархатом. В правом углу, в глубине сцены, у окна божонка – маленькая часовня, в левом углу стоят копыя, секиры, и тут же на стене висят луки, тульи со стрелами, щиты и шлемы; у стены под окном, справа от зрителя, стоит большой стол, накрытый темным ковром. Слева в стене дверь.

Входят в горенку Олег и Ольстин

О л е г *(Ольстину)*

Сюду дажь ми свещники, боярин, и вина!

О л ь с т и н

Вина? А брашна, осударь-князь не поволит? Зайца печена, мочно кабана, вологи мясной...

О л е г

Сие не идет в утробу, дай вина и ковриг.

О л ь с т и н *(заботливо)*

Весь черен, осударь! От крови, не потребно ли омыти лик и руце?

О л е г

Люблю, боярин, вражу кровь! Ныне ладный час, не чую страха крови, то Бог юности да не усне в душе и грозна бога, карающа, поправил. Сек ныне яко в сечи и мечнику не малу помогу чинил... Вина, Ольстин! Оно бы опочинуту князь-Олегу – и здравил бы...

О л ь с т и н *(продолжая осматривать Олега)*

И порты опрати потребно – завтра кровь хладна одеревянит кафтан, он будет черен, заскорьнет крепко...

О л е г

Ныне же лепо! Черлено вино и черно, черна кровь – сие воину вкупе...

О л ь с т и н

Аз зрел сего дни – туманны очи ста у осударя-князя! Белы власы с излихом в браде поросли и в кудрях...

О л е г

Ты стар, Ольстин, и я не млад... да ежели бы сон: опочинуту по-богатырски, яко кмети древни с денницы и до вечери... а ныне уменьшают силы, руце мои не держат меч крепко... в ухах в било бьют волшвенны дивы, очи не зрят, внеуду суморок – копия не мочно метнуть, яко в старь... вина, боярин!

(Ольстин качая головой, уходит).

О л е г *(садясь к столу на лавку рядом с окном, прислоняет голову затылком к стене, негромко говорит)*

Пушай бы из веку денница была! Ношь погнетает душу ми...

(Входит Ольстин с отроками, вносят зажженные свечи, вино, ковши, серебряное блюдо с коврижками, расставляют на столы, отроки удаляются, Ольстин тихо стоит у двери.)

Олег (*наливая вина и вытывая ковши за ковшом, вдруг вскакивает на ноги и кричит*)

Гей! Ольстин! Ольстин!

О л ь с т и н (*подходя*)

Зде аз, осударь-князь, зде Ольстин...

О л е г (*гневно*)

Пошто отъял мой меч, раб?..

О л ь с т и н (*кланяясь*)

Князь-осударь, меч при бедре твоём есть, а стружие у двери.

О л е г (*ощупывая меч*)

Прости, боярин, иди опочинуги.

(*Ольстин уходит, спешно входит Ярослав*)

Я р о с л а в (*Олегу, который сел и пьет вино, мрачно насупясь*)

Брат! Врази не покинули нас... Чуешь ми?

О л е г (*поднимая голову*)

Врази! Врази! Али, брат, не ведомо тебе сие? (*тихо*) Врази нас не покинут, зане дышем оба... (*громко*) Но что унийно взывать, хто не за нас – главу под меч! (*Наливает вина*) Пей!

Я р о с л а в

Не время, брат, кружить хмелем главу. Не малы беды грядут к нам в Муром...

О л е г (*наливает вина Ярославу*)

Пей!

(*Ярослав пьет*)

О л е г

Воин, борони меч! Не предавай ни день, ни ночь неговати ся опочиванию и чуй, течение врагов, они всямо, под ормяком имей байдану, на пиршестве – со браты волостели паси оскеп харлужный.

Я р о с л а в

Чуй ты, что вем я?

О л е г (*пьет вино*)

Рци, аз чую!

Я р о с л а в

По навету Давыдову иде дружина налезти ны – Мстислав Володимеров с новгородци,³² а с ним – видоки поведали – Володимеров стяг... Аз чую, ту и Володимер, реки же, брат, что ныне править?

О л е г (*наливая вино*)

Пей! (*Ярослав пьет*). То еще не врази, брат, помысли, кии новгородци кмети? Плотницы, да судоделы, да повольница! Плотник на конех пугается... судоделы – гостинный народ, али то вои? Пей! (*Наливает вино. Ярослав и Олег пьют*). Правь, яко да повелю ти: вздымай на конь лишь суздальцы, ладны вои лучники, горазды к бою стрелой... не дай суждальцам доспех – то не бегун на коне и не стрелец, хто крепко кручен броней – пал еже и не восстати... вси лучники в легки порты окрути, меч им не потребен – легко чтоб воину и коню легко, окачный путь десяти пред и вспять... у новгородецъ шеломы

открыти, и поработать потребно сих кметей в лик. А преже в лесех Мурома учиним засаду... сия засада быти потребна не более двух поприщ – ту – едина, ту – друга... на возгорях взведи яруги, деля ради вражих коней заостри во рвы ти батогов и бей долу, а поверх яруг поврещи древес ветви... Из Мурома потребно ми содеяти яко детинець... окачно града вознести прах землений, и вал, оплот нарубить велий, врата позреть на крепость, да не имут их вражи пороки... завтра позрю сие аз, ты же гряди к воям и волю от меня, наряд мой рци им... Бог крови ныне возлюби мя, и яз доспел на брань!

Я р о с л а в (*вставая*)

Чую и радуюсь, брат! Иду к воям!

О л е г (*встает и провожает Ярослава*)

Тебе токмо, одиночный брат, целование даю за то, что кровь возлюбих яз, яко преже в юны годы. (*Обнимает Ярослава, Ярослав уходит*).

О л е г (*стоит некоторое время у двери, потом возвращается за стол, садится, наливает, пьет вино и тихо говорит*)

О, брат одиночный! Юный, доблий кметь, не мнишь ты, что стени не внеуду, а в душе Олега, давшей себя пояти в работу страсти и волшебению... (*Кладет руки на стол, на руки голову и дремлет*)

(*Издали слышится пение молитв, прерываемое криками*):

То Олег, князь Олег! Половцы рушат! Рушат! Злоумыслитель Олег! Братие, молитесь – час смертный! Да будет проклят от Господа Олег!

О л е г (*приподнимает голову, прислушивается, пение и крики утихают*)

Кровь? Все она, кровь! Мнихи поврещены... они... (*Снова кладет голову на руки. Свечи догорают*).

Слышен голос: Олег! Моли Господа – да даст путь в Ирей страну...

О л е г (*вскакивая*)

Чул голос Анны! Зрел заgrabно – да откину клещения души моя! Да иму труд свой последний. (*Кричит*) Ольстин! (*Входит Ольстин*).

О л е г

Дай ми оскеп, боярин!

(*Ольстин подает Олегу посох с железным наконечником. Олег уходит*).

ЗАНАВЕС

Картина VII

Терем княгини Анны, жены Изяслава, в Муроме. Большая горенка с печью и лежанкой в правом углу. Слева у окна – стол, скамья и лавка; под окнами в глубине горенки дверь в другую половину, завешенная синей большой занавеской. На лежанке сидит мамка, старуха, вяжет пелену.

Входит Анна. Она высокая, стройная. Русые косы подобраны под черный кокошник, шитый серебром, на ней черный бархатный сарафан, голубая рубаха и накидка короткая, черная. Анна ходит задумчиво по горенке. За окнами – пение духовных стихов.

Анна крестится. Слышен медленный колокольный звон.

М а м к а (*крестится*)

Княгинюшка! Краток час от свадьбы до сего, а вот и по твоем подружии попи поют – повлекли князь Изяслава убиенна к Спасу.

А н н а

Зде метания клала, а в храм одной течи ми – народ злобится, и не ведаю, пошто людье в злобе на мя?

М а м к а (*сходя с лежанки*)

По то, што не разумен люд! Уж ты ли, княгинюшка, лиха к люду – все то поминки да целения черняти даешь, а злобится хто? – Тати злонравные, злоязычные учули, што живет княгиня по-божьи светло, а бес-от на светлых подтыкает – от беса!

А н н а

За грехи сие, не был лагоден душе Изяслав-князь, не мил ми сей златоверхий терем, суморочны горницы... Пригож млад князь Изяслав, а аз и старейши, да не того пригожества душа жадала... Чуй-ко, пестунья, аж радощно, что смертью Изяслав расплел подружеское вервие – тремил путь ми течи ко Господу!

М а м к а

То – грех, што ти радощно...

А н н а (*восторженно*)

Течи пальмовницей мыслю в Иерусалим-град... Ой, страшусь – не налажусь, не приведет Господь!

М а м к а

Припади ко Господу! Унийно воззови – доведет; а тяжко, угнетно сердцу оттого, што слезу не ронишь, птичка-черничка. Зрю аз, не единожды не улились оченьки слезами, а сердце скрегчит, скрегчит. Далеко упорхнул сокол Изяслав-князь – кинул зде тело белое червю на ество...

А н н а (*ходит*)

На всяк человек, пестунья, его судьба и воля Господня. Ронить слезы грех, еже Боже повел кого в Ирей страну – сие уготовано. Не мало князей гинут на поле, прю творя деля ради отчин... и ныне чую – един мертвый тек из терема, другой притечет, все едино, что мертв, ибо зол и неугоден гордостью Богу.

М а м к а

Што рекла? Уж не Олег ли Святославич придет?

А н н а

Чует сердце!

М а м к а

Бражник, убойник лютый! Ныне уронил твою жиру княжую из златоверха польшка в гроб – в керсту, во прах... и кий ты лепок ему в питье вклала, што не имет иных жон, тебя краше? Ой, ведаю, грех – игры бесовски играла с ним в юны годы... Вот лепок твой! Зелие приворотно! Весь убой пошел отселе – на Муром вои притекли многи с Олегом, а все тебя налезть жадал, и смерть Изяслава от тебя... чую! И кий человек Ольк-князь? Очима колет, яко стрелами, подобных ему душа с когтями, што кречет лютый – у! И не млад уж он... не млад, а любишь! (*Грозит пальцем Анне*). Грех! Грех, княгиня, лю-ю-бишь! Рци ми?

А н н а (*опуская голову*)

Люблю, пестунья, люблю Олега! Да не имай опасы – не стану неговати его – грех!

М а м к а

Еще бы неговати ворога кровава, люта, заразителя денна...

А н н а

Забвенен он правдой, пестунья! На людей зол, на князи в обиде и душой
верезен – скорбна его душа...

М а м к а

Любишь, так зришь, што скорбна!

А н н а

Не рци ми, пестунья, что аз играла с ним бесовски игры – Господь простит
сие, простит!

М а м к а

Простит ли, не, а иножды в ночь светлу грабонешь в ложнице княгининой,
и нету тобя, а где княгиня – Господь вести... инии зрели тя, грех молвить, при
месяце течешь по возглавиям теремов и не падешь – от сих и седе бес на язык
люду худоумну, ркут: «Княгиня – волшвенна!»

А н н а *(закрывает лицо руками, падает на колени, склоняется низко
к полу и вскрикивает)*

Пестунья, древня, щади! Щади!

М а м к а *(подымая ее)*

Пошто, пошто, княгинюшка! Эка лубяна, древня, глава бела... Не стану
боле, и так ликом да телом ты тонява содеялась... ох, прости-ко худоумну!
(Ведет ее к лавке, усаживает и торопливо, ласково говорит): Ляг, моя злоудельная,
на лавку, клони, клони на руке трухлявой, древней голову, трухлява
аз, глава бела, може улесы да прибасы щекотны упомню – кошун кошунить
поволишь, али беснити еже упомню, аль бо сыграю стих кой утешный?

А н н а *(садясь на лавку и склоняясь над столом)*

Не мощно щекотать игрищем, когда мертвый в дому, еще учуют людье –
зло рекут.

М а м к а

Ух, уж людье чернь! Грех на ся беру, а што бы ми упомнить? Ты мя под-
тыкай на сие упомню... *(Прислушивается)*. Не чуешь, княгинюшка, аль
то гласы многи?

А н н а

Чую, пестунья...

М а м к а

Вишь, яко преже люд тече, унианы... к тебе за поминками идут, лагодишь
ли им?

Г о л о с а

А княгинюшка!

А маги наша!

Печальнице нашей – послы ей Господи укрепу души-и!

А н н а

Разверзи им двери, да идут вси сюду!

М а м к а *(уходя)*

Ох, уж людье! Люто да жадно до поминков, а хулы, хулы!

(Мамка вскоре возвращается с нищими женщинами, их много, и среди нищих женщин юродивая с поленом, закрученным в лохмотья. Женщины целуют Анне платье молча и кланяются, кто как: кто низко, кто земно.)

Ю р о д и в а я *(качая куклу-полено)*

Сю, сю! А-а-а! Сю, сю-а!

М а м к а *(юродивой)*

Пошто текла, Мокрина, уroda? Што ти потребно ту, Божа душа? *(Анне)*.
Пасись лиха, княгинюшка! Мокринка с добром не течет в терем...

Ю р о д и в а я *(отыскивая Анну глазами, подходит и тычет на нее пальцем)*

Венечь зрю на тебе! Венечь! Ух, гроза! Очи ти, очи ти, у-у!

М а м к а *(Анне)*

Вишь, княгиня? Худа Мокринка речет про Ольга-князя, чуй – «очи ти».

А н н а

Быти ми в ином Божьем Иерусалиме: в Ирей-стране – чую...

Ю р о д и в а я *(отходит и, качая куклу, поет)*

Для поганых жон младых клещил, пожигал детей...

А н н а *(мамке)*

Како она играет, ведаешь?

М а м к а

Упомнила! Сие играть ти мыслю...

Ю р о д и в а я *(присев к полу)*

Сю-сю-аа! Сю-у... *(Поет)*

И текли унийны стоны к Господу. *(Встает с пола и, подходя опять к Анне)*

Э, э! Пошто, пошто сдериха? Даде сие Мокринке – тебе венечь. *(Протягивает руку к голове Анны, Анна снимает кокошник, надевает его на юродивую. Русые косы распускаются и падают на грудь Анны).*

Ю р о д и в а я

А пошто ты в черных ризах? В белу поняву окрутись.

М а м к а *(юродивой, с испугом)*

Што ты, худа? Што ты, Божа душа, умыслила? *(Машет руками на юродивую).*

(Анна встает, уходит в другую половину).

Ж е н щ и н ы - н и щ и е *(юродивой)*

Пошто полошишь княгиню?

Пошто угнала нашу печальницу?

Ух ты, не опрата, худа!

Ух ты, Мокринка уroda-а!

(Анна выходит в белом, за ней рабыни девушки выносят три больших короба с платьем)

А н н а *(юродивой)*

Окрутись, раба Мокрина, в княгинины ризы...

Ж е н щ и н ы *(хором)*

Пошто ей? Она худоумна! Пошто ей узорочье? Ух ты, наша печальница!
(Кланяются).

(Анна вынимает из короба и дает юродивой черный сарафан и накидку. Юродивая хватает платье, наворачивает на полено и спешно уходит).

Сю, сю-а-а! Сю-у!

(Анна садится и отпускает девушек, раздает из коробов платья нищим).

А н н а

Мирское вретиче! За гробом багряница князя – тонее паутины. Даю сие – поминайте рабу Божу Анну! Зде узорочье – поймите сие от мене...

М а м к а

Пошто им, княгинюшка! Пошто, а тебе? Тобе то где?

(Женщины принимают подарки, кланяются.)

1 - я ж е н щ и н а

Зелие, ким поила робя наше, добро – робя рыкает! Живо робя...

2 - а я ж е н щ и н а

А старица, кой врачила от трясы, Бога молит за тя... молит!

3 - я ж е н щ и н а

Ух, окручу свое наследье в твои порты светлы ризы – Господа прославит!

4 - я ж е н щ и н а

Восплачут о блаженнем князи Изяславе, убиенном стружием врага люта!

(Кланяются и уходят.)

М а м к а *(проводжая их)*

Не хулите княгиню! Ведаю – чуть за врата, и худы речи – волшвенна княгиня! Люта! Ух, вы, чернядь!

Ж е н щ и н ы *(некоторые приостанавливаясь)*

Што ты, старица?

Храни Господь мати нашу княгиню!

А н н а *(вслед им)*

Теките с миром! Господь на иной час да печется о вас, злоудельных и мизинных, молит мир, егда обрящу покой!

(Женщины уходят.)

А н н а *(мамке)*

Умучилась аз – лягу!

М а м к а

Аще возглавие дам ти, княгинюшка...

(Уходит и возвращается с подушкой. Анна ложится на лавку у окна, мамка садится в головах, гладит ей волосы и говорит.)

Чуй-ко! Худа Мокринка игру наладила – възграю я... утешно сие...

А н н а

Ой, пестунья, грех, грех!

М а м к а

Оно, яко духовно, злоудельна птичка-черничка, чуй, княгинюшка, и опочинь... *(тихо поет).*

За реками, за лядинами,

За горами Авратынскими,

Жил ужастен князь – злодеянный див,

Для поганых бог жен молодых клещил,

Пожигал огнем детей малых.
И текли унийны стоны к Господу,
О злодействах сего дива лютого...
Внял Господь мольбам, слезным жалобам
Языка земли злоудельные,
Завечал Господь Божаю ангелу:
«Ой, лети ты, ангел, к диву буйному,
Изыми в нощи душу черную,
Дай позрети ей муки адовы,
А с денницей вложи в тело князево...»
И представл пред князем сол от Господа,
Изженил для ада ради душу грешную,
Ввергнул душу ту в смоляной котел...
Ночь во аде душа маялась,
Белым днем текла в тело князево.
Ужахнулся див мук геенских,
Тек каликой он по земли своей.
Стал в работу людям на потребное,
На потребное, из век вечное...

А н н а (вставая и начиная ходить по горенке)

Ой, пестунья, верю – аз верю! «На потребное, из век вечное».

М а м к а

Вот ти опочив, ой, краток! Аз лубяна, худоумна, глава бела, учула от худой
Мокринки, да упомянула, што ведаю сие и възграла... Всполошила птичку.

А н н а

Нет, нет! Пошто ты досель того не играла?

М а м к а

Да вишь, реку ти, растеряла все прибасы утешны. Скрени многи расте-
ряла...

А н н а

Ныне скорее течем в вертоград – поимем благоуханных трав на главу ми,
как в оны годы, чуешь?

М а м к а

А еже так, то идем, княгинюшка! *(Уходят)*.

(Входит Олег без шапки, без лат, при мече, с копьем, запачканный кровью).

О л е г (садясь к столу и облакачиваясь задумчиво).

Был Олег-кметь, а ныне содеялся, аки младень – душа поврежена, чую ту
уладень глас, но ведаю – не zde приют ми, zde туга...

*(Входит Анна в белом, с цветами на голове, останавливается позади
задумавшегося Олега, хватая себя за грудь, делает быстрое движение в его
сторону, потом останавливается, как бы решившись на что-то, говорит
бесстрастным голосом.)*

А н н а

Здравлю ти, Олег-князь!

О л е г (*вздрагивает, оборачивается и, вскочив на ноги, пятится от нее, выставив вперед руки*)

Волшвление! (*Тихо, успокоившись*). Не единожды во сне тонце зрю тебя, яко ныне, Анна! И сей час... с кринами на главе... овогда во сне чую утешный глас – щекочешь игры, зрю – чувствуешь поганы боги, увиваешь древы травами, влечешь мя, и аз скочу Перуну и Даж-Богу, и чую дыхание твое... Анна! Плачет душа по юны дни. То, охавившись за выю, зрю тебя с собой – пытаем у судьбы кобыю: сколь быти ны во вселенней... все сие, яко в юны годы между нами вершилося...

А н н а (*строго*)

Не мни подобно, Олег! За сие, что протекло, Господу мои слезы – да исповедет ми!

О л е г

От тебя приял сие блажнение к богам поганым и ведаю аз – ныне ты иная, пошто лестить – люблю тебя, яко прежде, но – поганен, ибо с любовию твоей познал сие и не мыслю иным быти, zde лишь едино молю: изгени от души моей ина бога грозна... отринь его! Дай мир душе, давшей ся тебе, яко в работу...

А н н а

Олег! Я над душой не властна – Господь берет наши души, в нощи совокупляет, и зрят они, что повелено им Господом зрети...

О л е г (*привдвигаясь к ней*)

И ныне не убоялся позоровати лик твой и пришел зывать к тебе – отдай Олегу былую мощь! Аз мню: тебе сие мочно, верни ми сон, пошто твоя душа берет мою и, поработав, на крылах носит, легких крылах, и зрит, ужасемся душа моя, дивы заgrabны. От сна сего с денницей уды мои мертвы, яко уды навия: незримы очи, десна не держит меч, и всямо окован ужасом крови. Вонми, молю ти: кровь врагов потребна быти, яко прежде сладка Олегу... Припав земли, из праха чую аз течение врагов (*озирается*), они идут, идут – щади! Не меня щади – брата, он юний и загинет, – без мене несть жизни Ярославу!.. Взрати ярость ми, дай чути глас мой в поле сечи – рыкание мое на врагов... Анна, Анна!

А н н а

Олег! Буди мних, моли за прежде содеянное, то не от меня тебе, то кровь человеков погнетает душу твою и вабит искупити ю!

О л е г (*хватает ее за руку*)

Нет, не мочно зреть сие, горит душа пред тобой, яко пред битвой угрознай! Деля ради тебя, Анна, не восплачу о жизни, но ты поволь на грудех лелеяти тебя, яко в дни юны. Аз подъемлю тя и повлеку, не мысля о себе. Роту даю – врагам прошу! Вся покину, сед на конь с тобой, увлеку вдаль адамант мой, и будем жити в моей отчине у Бога грозна, благословясь княжить, ты чуй (*страстно*): в любви да текут дни наши... к Богу в час забвенный, час навия, грядем заедино – кровь искуплю аз, чем поволишь: правдой али метанием к Богу, одно лишь – мнихом, в яме, без тебя, едину скорбно ми быти, не влеки на сие!.. Анна, словеса ласкова рци ми!

А н н а *(тихо)*

Олег! Твой смертный час, чую аз, не дален...

О л е г

Грозный бог поведал о моем часе? Рцы ми! Он тебе поведал?

А н н а

Мой час прежде тебя, а ты о греховном мыслишь, несть нам счастья ту!

О л е г *(выпуская ее руки)*

Не верю грозну Богу! Лжеимец он есть, едино верю, что сокрушу врагов!

Анна, дай лобызати тебя, яко прежде!

А н н а *(отстраняясь)*

Ты враг себе, Олег! Аз не любила Изяслава-князя, а ты с грозой тек – в словах любовь чула, а зрю в очах грозу, все ведаю! Не мни лишь клещением тела любимой дати душе своей радость... душа твоя восплачет зле, утолив гнев... ты мнишь: пошто аз изженила тебе из души? Пошто поимала Изяслава, но Изяслав бысть кроток и радостен к ми, аз бысть – дряхла, он одолением поимал мя... Не ведала, что деяти ту ми единой – ты же не иде к ми, и мыслила аз: Олег покинул подружие, а ныне притек с грозой, убил мое ладо. Грозись... Поврещи! Жаду клещения! Бог же истинный требит пусть душе, появшей к лиху ину душу – влекла тебя к поганым богам, аз да искуплю ся и грех мой искуплю.

О л е г *(не слушая ее, упрямо)*

Ты сие ведаешь! Гроза моя за негование твое Изяславу! Пошто извергла мя из сердца? Пошто ты лада врагу моему, кой, седше на моей отчине, поял тебя в подружие?... Да, я убойник, а он – тать княжего гнезда, тать!

А н н а

Ты не имеешь студа – он юний! Ты убил его, и еще грех, Олег, пошто тек на Муром? Чуй мя: посторонь витая, телеса наша паслися смертного, а души наша были близ... Близ же телеса наша, страдая, сжигают ся, ибо во вселенной душам нашим не мочно быти за едино, и лишь вождедеют скоро постичь жизнь присну Ирей-страны.

О л е г

Пошто, познав волшвением о смерти моей, не деешь душе моей услады? Приспешал аз, ты же гонишь от очей моих, восхищаешь, яко тать в нощи, мой сон, и аз безумен и дряхл содеялся... Анна, дай лобзати тебя, да иду и готов умрети... Дай неговати тебя, Анна!

(Анна, отворачиваясь от него, опускает голову.)

О л е г

Главу долу... Очи сомкнула! *(В ужасе отступая от нее)*. Что зрю? Волшвение! Волшвение!

А н н а *(медленно подымает голову, ее руки хотят обнять его, но лицо ее имеет вид черепа)*.

Да буде по воле Господа! Неговай мя!

О л е г *(продолжая отступать к дверям, хватая копье)*

Волшвенна жена! Волшвенна!

А н н а

И ты ужаснулся сего! (*Опускает голову, ее лицо принимает прежний благообразный вид*).

О л е г (*уходя, но в дверях обернувшись*)

Волшвенна жена! Взрати мир душе моей, паси ю от дивов заgrabных, али ты ныне приемлешь грозу?

(*Уходит*)

ЗАНАВЕС

Картина VIII

В тереме Изяслава все та же горенка. Божонка в углу завешена черным покрывалом, на столе стоят ковши, бражные, серебряные, и вино. Олег лежит на лавке у окна за столом. Утро. Входят Ярослав с Ольстином.

Я р о с л а в

Что ныне, брат Олег, здравит?

О л ь с т и н

Зле мутен, княже! В нощи тек без шелома, в едином байдане взратися вспять, не опочинув, рыкал, идя по терему, скрегчал зубами и, сед за брашно, не ликствовал, а, зрю аз, приспешал духом, ныне поволлил опочинуть...

О л е г (*садясь за столом на лавке*)

О, ежели бы опочинуть! То сон мог бы мя целити... брат одиночадный, единый мой адамант!

Я р о с л а в (*подходя, целуясь, садится*)

Яз здравлю ти, брат!

О л е г

О воех поведай ми... (*Наливает вино*).

Я р о с л а в

Аз тек сие довести тебе... по твоему лажению Мстислав с новгородцы биты. Мстислав в мале дружине опятив бежал, бо лучники искусно язвили в лик стрелами вои вражи... коней вражих не мало тепено в яругах... окачно и всямо града Мурома подъят горе земленой оплот с дровяными порубами. Яруги преди столпа градна глубоки, к врагам мосты орудованы, и в час боя мочно их подъяти горе... В лесех наряды от нас брегут град... Ведаю, что сие от тебя, вси славят смысленность твою, но жадут зрети и тебя на поле.

О л е г (*понураясь*)

Приспешал аз... в нощи тек искусити Анну и познал не паки бытие мое, едино суть волшwienie, помыслил ныне быти люту. (*Тихо*). Народу муромску дам зрети себя и, волю его совокупив с моей, вершити. Чуй, брат! Пред терема сего на стогнах потребно ми взвести огненный костер дея ради Анны и пожрети ю Перуну и Волосу... Она изженила мя из сердца, дав ся в подружие Изяславу-врагу... Ведаю аз: зря на сей костер, душа моя почует велий прохлад...

Я р о с л а в

Мню аз: смыслен ты зело и ведаешь народ!

(*Оба молча пьют*).

Я р о с л а в

Но, брат, не мочно нам ликствовать, чуй, не рек ти многого...

О л е г

Рци, да ведаю! (*Пьет вино*).

Я р о с л а в

Тако познал от послух: Володимер с князи ведут на Муром многи полки... князи, ты ведаешь, суть подколенны Володимеру, а он сынам помочь чинит, и быти в кратци дни сече лютой... С князями Святополк киевский, появший ныне в жены дочь половецкого хана, но, ведомо мне, тесть Святополчий Тугоркан не за Володимера, а за нас течет к Мурому... Молю ти, буди дерзновенен, брат! Сии беды на ны велики!

О л е г (*наливая вина*)

Единочадный брат! Ныне же падет на кладе огненной волшвение моей души, ю мысло целити. Враги, князи ли, смерды мизинны Олегу... тепены побегут от нас, яко новгородцы... (*Подумав*). Ты ведаешь, что Тугоркан за ны?

Я р о с л а в

Сие суть правда!

О л е г (*оживляясь*)

Скоро, брат! Шли нарочитый верхий вой с поминками из адамантов и бисера к Куре хану половецкому, к Боняку... не нудь их ныне же помогу чинити ны, но пусть кажет им старец, что Киева, Переяславля и Берестя врата суть отверсты, ибо князи текли к Мурому, надо ханам копиться таборами и жечь сии грады.

Я р о с л а в (*встает*)

Чую, брат, теку створити сие!

(*Идет, Олег останавливает его*)

О л е г (*с усилием*)

О, как угнетно мне сие! (*Решительно*). Чуй, брат! Повели бирючам речи народу волю от ми: костер огненный возвести zde на стогнах близ терема, да старцы градские имут Анну и повлекут семо преди окна.

Я р о с л а в

Да буде так, яко рчешь ты! (*Уходит*)

О л е г (*расхаживая по терему*)

Чую жалость велию к тебе, Анна! (*Пауза*). Но пошто поволила избрати Изяслава преди меня? Ныне же тоща душа моя, а ты ведаешь душу и не возвращаешь соцеленую... (*Кричит*). Ольстин!

О л ь с т и н (*подходя с поклоном*)

Зде, осударь, аз!

О л е г

Совлеци байдану и дай ми кукя!

(*Ольстин уходит и, возвратясь с отроками, приносит доспехи, начинает одевать Олега*).

О л е г (*глядя на Ольстина, который переодевает его*)

Древний и плешат, боярин...

О л ь с т и н (*застегивая кукя*)

Девок не мало блазил, осударь-князь. Девок, а еже кую лестишь, бог зри, уже ял тебе за власы да за возглавие... овогда вабишь их, девок, а он клещит, и зри, осударь, мало власинок на главе, и сии суть белы, а девок уж не зрят очи – ти...

О л е г

Что речешь ми – не чую!

О л ь с т и н

О девках реку ти да о власех, осударь-князь!

О л е г

Всямо аз, яко мряморяный, а очи мои из сребра суть, не зрят, и аз яко бог поганый.

О л ь с т и н

Сие, осударь, с тобой от волшвения учинилось!

О л е г

Душа моя да идет ныне на костер огненный. Дай ми меч!

(Ольстин приносит меч).

(Торопливо входит мамка Анны, падает Олегу в ноги).

М а м к а

Да что ты, бес окаянный? Что ты умыслил тако? Пошто кладу созидаешь на княгиню, пошто?

О л е г

Ты, старица, хто?

М а м к а

Хто, хто! Али не зрел мя ране? Пестунья Анны княгини Изяслава, убиенна тобой, убойником! Али мало ти, душе твоей жадной, единой смерти князя, яко умыслил ныне мати нашу клещить, окаянный див!

О л ь с т и н *(махает на мамку руками)*

Что ты, что ты, древня? Что ты?

(Ольстин пробует поднять старуху. Мамка подымаясь отмахивается от Ольстина.)

О л е г

Простершись рцешь угрозно, восстань и зри в лице ми!...

М а м к а *(вставая на ноги)*

Щади, княже! Щади ю, богобойну, али не ты играл с нею утешно в оны годы – она была млада, лепа ликом, али все то было лишь глумотворство твое? Щади, что содеяла тебе святая душа, пошто даешь ю клещить народу? Народ буяв, зле хичен, ему бы кровь зрети, огонь и явство имети, и беси его подтыкают на Анну.

О л е г

Старица, Анна яла душу мою волшвением и ста подружием врагу моему, меня же изженила из века в век, а ми несть от сего паки, бытия...

М а м к а

Ведай, княже! Изяслав умыканием лестил Анну – не добра воля сие, а ты мнишь клещением пасатися... не дай пожечь ю!

О л е г *(Ольстину)*

Отверсти окна терема!

(Ольстин открывает окна)

М а м к а

Ты чуешь мя, княже, не дай жечь ю!

О л е г

В ушах волшебенны дивы в било клеплют, сердце мое холодно.

М а м к а

Чтоб ти геену зреть, див окаянный! Геену из веку в век... бес, моур *(Плачет и уходит)*.

(За окнами шумит народ, слышны голоса. Олег подходит к открытому окну)

Г о л о с а

Што, што, волшебенна жена?!

То не Изяслав! Ныне, зри-ка, Олег!

О л е г *(Ольстину)*

Семо, боярин! Дажь ми вина, тяжко зрети сие...

(Ольстин наливает вино, приносит его Олегу).

Г о л о с а

Не помыслишь боле кобью волшвить. Ночью по возглавиям храма течи, напасти деяти люду муромскому!

Г о л о с

Ин год в Любече палили княжу наложницу, зрел аз, выла, зле выла-а!

Г о л о с

Лжа!

Г о л о с

Пошто лжа? Правда! Лжа! Аз тебе лик бию – лжа!

1 - й г о л о с

Святую на костер огненный!

2 - й г о л о с

Убойники людья!

3 - й г о л о с

Латиньщи-цу-у!

4 - й г о л о с

Сам бес поганый, моур!

1 - й г о л о с

Княгиня свята-а!

2 - й г о л о с

Мати наша! Господи, Господи!

1 - й г о л о с

Потребно бы саму Олегу на костер, поган еси!

2 - й г о л о с

Возьми-ко, вои, они те дадут за князя!

О л е г *(стоя в тереме, из окна кричит)*

Народ муромский, душу дал ти, жги! Душу мою жги, чти мя!

1 - й г о л о с

Пошто не течешь на стогны?

2 - й г о л о с

Пошто ты в тереме?!

3 - й г о л о с

Дай коснути собя народу!

О л е г

Народ! Ты жадал зрети княгиню Изяслава на кладе огненной – зри ю ныне!
Сие потребно Перуну-богу!

Г о л о с а

Чуйте? Княгиню пожрете погану богу-у! Рекли ны пископы: бегайте
жратвы болвану!

О л е г

Да взратят Перун, Волос и Стрибог ярость боевую ми, народ, моли сих
богов!

1 - й г о л о с

Бесомолитель ты еси, княже!

2 - й г о л о с

Моли! Мы не молим!..

3 - й г о л о с

Пали! Дивно зрети!

4 - й г о л о с

Здравим ти!

5 - й г о л о с

Здравим князь Олегу-у!

Г о л о с А н н ы

Чуй, князь Олег! В Ирей-страну моли Господа, да требит ти путь на жизнь
присну... Олег, крови страшися, крови!

О л е г

Анна, прости ми... душу свою огребаю от волшвения, прости, тяжко ми!

Г о л о с А н н ы

Едино есть мое слово: «Люблю тебя!» Но не тот час, чтобы быти zde
в любви!.. Радуюсь и верю аз, что скоро в Ирей-стране охаяются души наша,
ныне же трепещи Господа! Молю за...

(За окнами ярко вспыхивает огонь, что-то с треском падает.)

О л е г *(некоторое время, отшатнувшись, стоит как окаменевший, потом
падает на колени и кричит)*

Анна! Лада моя едина! Ты ли еси черно? Аз ли, злодейатель тому, створил
сие?.. Боже! *(Опускается совсем на пол и лежит неподвижно. За окнами
шумит народ).*

ЗАНАВЕС

Картина IX

Вечереет, садится солнце. Сцена представляет поле битвы. Лежат убитые воины, кони, разбросаны шлемы, щиты, копья. Слышен протяжный отдаленный звук трубы. Через сцену справа налево перебегают люди, один за другим; четыре воина в вооружении: один из них кидает на бегу щит, другой – шлем, третий – копье, четвертый прихрамывая тащит знамя и, отстав, садится слева на первом плане, начинает срывать с древка знамя. Мимо него бежит пятый воин, останавливается, сбрасывает головы пробитый шлем и, подняв с земли чужой, брошенный, надевает на голову.

1 - й во ин , с р ы в а ю щ и й з н а м я (2-му)
Что, воины княжи бежат?
2 - й во ин
Еже не бежати – смерть! Ломят ны муромцы!
1 - й во ин
Не едины ту суть муромцы. Чул я, Тугоркан с сыном и половци, да суж-
дальцы, да ростовци еше...
2 - й во ин
Вои, оно бы ништо! Князи: Олег да Ярослав люты...
1 - й во ин (*сорвав знамя, обертывает его кругом себя*)
Един Олег стоит дружины, не попусти Боже коснути ему нас, лют ворог!
Тугоркан – тоже смерть!
2 - й во ин (*машет рукой*)
Вси наша вои бегоша! А ты пошто хоронишь стяг? (*Трогает знамя*).
1 - й во ин
А мню: еже упасу стяг – слава ми, да вишь едину стопу шибнул ворог
жезлием – утеку ли, не вем?...
2 - й во ин (*из-под руки глядит вдаль*)
Суду идут воеводы наши. Тецем, брате!
1 - й во ин
Помози-ка! (*Протягивает руку 2-му воину, тот его подымает*). Тецем
с поля да простремся в яруге...
(*Уходят*).
(*Слева, в углу, на место воинов выходят Владимир, Святополк, Давыд
и Мстислав с гридями. Останавливаются, смотрят вдаль на поле битвы*).
В л а д и м и р
Да, княже! Зле ночь постигает ны – потребно взратить дружину на табор,
совкупив тепены вои, дати люду отдох... Олег и Тугоркан добли кмети,
и Ярослав дерзновенен...
С в я т о п о л к
Един стяг ронен, два имем еше, но кмети наша бежат, дерзновенен ныне
Олег!
М с т и с л а в
Аз мыслю – потребно дати трублю на вспать?
В л а д и м и р
Аз мню: ныне крамольников одолети не мочно, несть стыдения нашего,
что мы на сей час тепены, а ты, Давыд-князь, что о сем мнишь?
М с т и с л а в (*гридям*)
Эй, дати трублю воям на вспать!
(*Воины выходят, чтоб трубить*).
Д а в ы д (*воинам*)
Пождите с трублей! (*Князьям*). Аз не мало ведаю Олега-князя! Не еди-
ножды тек с ним на сечу... Кметь доблий крамольник, но ломит, пока люта
сеча, а polegает бой, и он приспешит, туга охавит сердце, и кровь ужастенна

ему станет, и не мы, а Олег повабит вспять кметей, не лещу вам, князи! Сие реку сей час и воину... позрите мало!

В л а д и м и р

Чул и аз о сем и ведаю верезание души крамольника, но zde не мыслю подобного, ибо зрел аз, яко кроваво мясо кусами повергалось от меча Олега. Шелом ронил с главы и несся рыча, сие ли подобно ужасту крови?

С в я т о п о л к

Зрю аз – лжа, брат Давыд, суть сии слова лжа!

Д а в ы д

Аз лыгать люблю на гоститве, но на поле брани реку воину правду... тепены многи вои наши, так не убойтесь, князи, ронить еще мало людей и узрите, яко Олег взратит дружину, и студ наш, что мы оставили поле врагам, падет на него. И злоба моя на Олега возликует за Всеволожские отчины...

В л а д и м и р

А, ну, еже мало потребно, да будем належати, чтоб Олег взратил своих кметей! *(Воинам)*. Бейте в набаты!

(Все уходят, бой продолжается, слышны отдаленные крики, звуки трубы и бой литавр. Справа, на первом плане, выходит Олег в доспехах, доспехи и руки его в крови).

О л е г

Конь пал... Шелом ронил, едино лишь меч верный не изломлен! *(Торжественно)*. Враги наша взбиени – бежат! Текли имати нас князи, а ныне тепены вы и дома ваша, чую, в огне!.. Чую топот коней Воняка хана,³³ и вы бежите от Мурома бездомны и унылы. Не гнать вам ны и не налезть! Мы с единочадным на Новгород борзо идем. *(Отпускает голову)*. Токмо туга гложет ми. Анна! Пошто аз, худоумный, дряхлый, дал зле одолети душу, и тебя ял огонь, пошто? Целения нет ми, а мыслил клещением твоим целитесь... *(Подымает голову, смотрит вдаль)*. Где Ярослав? Стяг величается, и конь, кметя не зрю!

(Появляется Тугоркан, почти бежит к Олегу, машет кривым мечем, кричит.)

Т у г о р к а н

Волидемер – бит! Слава, слава ти, коган Ольк! Добле, добре! Тек наш! Позирай вси! *(Размахивает и тычет мечем вдаль)*. Преди наш вои тек! Бит вои, Волидемер бит!

О л е г

И аз здравлю ти, хан, доблий кметь! *(Заботливо глядя вдаль)*. Не зрю ныне Ярослава-брата – где?

Т у г о р к а н

О, шо! Мой син, кровь мой пал! Ярослав тож пал – два пал, два пал!

О л е г *(шатаясь на ногах и пятясь)*

Что чую?.. Пал брат одиночадный! Боги, Господи! Усне юний Ярослав,³⁴ так аз един не уязвлен в сече? Нет Анны, и ныне нет Ярослава, пошто, пошто ми едину жизнь?.. *(Падает на колени, склоняет голову на руки и руками закрывает лицо)*.

Т у г о р к а н (*склоняясь над ним*)
О, шо! Тикметь доблий, коган Ольк, о, шо! О, кмети нет злеза. Позирай, плач аз о мой кровь, мой син? Не плач я! Течем, Ольк, течем и бой, бой и пир!

О л е г

На мне вся кровь сей битвы!

Т у г о р к а н

Еще течем, Ольк! Мал бой, и ми пир – бит Волидемер, и мой кровь ныне Святойполк бит! (*Хочет поднять с колен Олега и не может*). С мене конь дам. Твоя – бит!

О л е г (*вскакивая на ноги, дико кричит*)

Кровь! Кровь аз взращю кмети в Муром! Кровь, аз окаянный! Жив, един жив! Эй, дати трублю!

(*Воины Олега выходят в поле и трубят отступление.*)

Т у г о р к а н (*в гневе*)

Ольк! Чо ти? Едина я-а! (*Кричит громко, потрясает мечем*) – бит Волидемер! Би-и-т! (*Бросается вперед и убегает*).

ЗАНАВЕС

Картина X

Между IX-ой и X-ой картинами проходит несколько месяцев. Осажденный Муром. Та же горница в тереме Изяслава. Ночь, горят свечи. В раскрытые окна терема проникает иногда ветер и колеблет пламя свечей. За окнами слышен шум толпы, шум иногда нарастает, иногда затихает и снова подымается. Олег сидит за столом в куяке при мече, на голове золотая диадима, прикрепленная к тафье из прозрачного шелка. Ольстин стоит у дверей, стол перед Олегом заставлен братинами, ядовыми, ковшами и блюдами. В горнице по скамье и в нише на кресле Изяслава стоят идолы. Божонка в углу завешена черным сукном.

О л е г (*поднимая опущенную голову, сонным голосом*)

Ольстин!

О л ь с т и н (*подходя*)

Зде, осударь-князь!

О л е г

Поврещи богов в ларь. Не иму сна... Пал Ярослав. (*Горестно и опустив голову*). Брат единочадный! Ты еси поучал мя, приспешного на сечу... Ты притужал мя на подвиги ратны, ты не единожды вчуялся в течение врагов... Ты имал еси опас за жизнь мою. Кто ныне к скорбному ми воззовет и устыдит покором душу мою! Брат... Чуешь ли? Тяжко ми! Не зрю боле тебя посторонь мя на поле брани, и едину ми потребно належати на погублении врагов моих... кому ныне единый аз буду мил ся деяти – нету Анны... Боги! Аз дал вам в жратву душу свою, а вы, глумлтворцы, появи заедино с Анной брата моего милого, и ныне тошь есмь аз и скорбен, и не мною ни-коли zde во вселенной сей ликствовать. Дни и нощи текут – рек роты многи Перуну, Стрибогу и Волосу, а душа ми и по сей час каменна есть...

(Ольстин носит и сбрасывает кумиры в ларь.)

За окнами голоса воинов

Князь Олег! Пошто покинул нас единых? Олег! Не ты ли подтыкал нас на Муром и Новгород? Чуй! Володимер и Святополк опятели вои своя, бо Куря-хан жже Берестье, а Боняк-хан ристает в Киеве, у Муромы вои малы, да иде побием ю!

О л е г *(не слушая голосов)*

Анну ми взратите, боги! Анну! И буду аз с ней ликствовать... неговати буду ю! Боги кровавы! Да узрю дивно от вас – да узрю ныне в нощи Ярослава-брата...

О л ь с т и н *(подходит к дверям горницы и, спешно возвращаясь, говорит)*

Осударь! Налезли к ны людие... они от глада жадны, текут в терем твой – чуй!

О л е г

Кде гриди мои?

О л ь с т и н

Текли по граду стяжати яство себе.

(За дверями угрожающе шумит толпа.)

О л е г

У гладна яства налезти едино суть, яко у навия ликствования имать. *(Машет рукой)*. Отверсти им одрину! Хоть сотона, да зрит ны...

(Ольстин идет и распахивает двери горницы – врывается голодная толпа, люди толпятся у дверей.)

1 - й г о л о с

Зрите, винопийце окаянный!

2 - й г о л о с

Мы жадем ясти, он же вино пьет, пружь!

О л е г *(за столом, откинувшись на стену, смотрит на толпу)*

Чесо хочете, рабы?...

3 - й г о л о с

Вдай собя ворогам – спасешь ны!

4 - й г о л о с

Щади народ – освободи град!

5 - й г о л о с

Роту соблюди! Хрест целуй, а нам смерть, отверзи врата – за градом яство!

6 - й г о л о с

Сей князь, зрите, содеял гладным Муром! Сей и вси его многи. Чуй нас, князь! Отверзи врата!...

О л е г

Аз врагов не страшусь – отверзите врата града!

7 - й г о л о с

Ты еси един мочный тому!

8 - й г о л о с

Княже! На детей наша зри – мертви от глада!

9 - й г о л о с

На жон зри – безумны от глады!

(Протягиваются костлявые руки, и слышится страдальческий голос):

Истекаю от глады... жаду ясти! Княже, буди милостив!

О л е г

Аз поверг еси дея ради вас на позор рабий душу мою! Мою лучу денничную, кров мой, Анну! Ее лепого зрака не стоят вси жены Мурома! Сие завечаю вам, рабы, да чуйте! *(Встает и идет на толпу)*

(Толпа топчется в двери и уменьшается. Слышны голоса.)

1 - й г о л о с

Сей князь безумен!

2 - й г о л о с

С мечем – зрите!

3 - й г о л о с

Яр и невеглас!

4 - й г о л о с

Бежите его – борзо!

5 - й г о л о с

Скорбен главой!

6 - й г о л о с

Внеуду, внеуду!

О л е г *(громко)*

Рабы! Влеките к ми епископа!

(Толпа исчезает с криками):

Пископа, пископа – да помозет отврести град!

О л ь с т и н *(затворив двери терема, возвращается)*

Тугоркан и сын княжь пали в сече с Ярославом обче...

О л е г *(расхаживая по терему)*

Что ми Тугоркан? Поврещена Анна... Безумный аз – пал Ярослав... Боже! Господи! Един аз витаю ту... *(Останавливается перед Ольстином)*. Ольстин! Ты ведай: с денницей враги поимут град... ты же в нощи сей, взяв кузню злату, и адаманты, и бисер, вдаи сие гридям и себе в поминок, что багряно и золотно поими... чуй мя: раба, коль ми паче худ, он клещит владыка, а еже добре раб и господину угоден, то лих врагам, и враги суть лихи нань... Ты же, древний Ольстин, ми не раб, а приязненник – бежи с гридями и не мни тако зле об Ольге, господине и приязненнике твоём... Ныне же потребно ми отверсти клетки и медуши, да пият вино кмети гладны, да ядут брашно княжо.

О л ь с т и н

А тебе еси, что ясти кольми паче, господине, еже вдашь яства свои воям?

О л е г

Еще денница не убелит возгория, яко да гряду в сечу и буду рыстати в таборе вражем до часа, пока не изломится меч. Теки, боярин, и створи вся, тако да реку ти!...

(Ольстин кланяясь уходит.)

Г о л о с а в о и н о в з а о к н о м

Князь Олег! Мы гладны, веди ны на враги! Князь! Ротимся ти, яко враги тепены побегут от Мурома. Олег, вражи кмети пороками биют врата града. Да идем в поле ратно!

О л е г *(подходит к открытому окну)*

Кмети! Чуйте мя, не лжеимец аз! Врата града крепки! Зане брат Ярослав крепил их, и врази не повергнут врата в ночь. С денницей ураним и аз гряду в сечу с вами – ныне же опочинути поволю мало. Вы ядите из клетей и медуш княжих мое яство! Пийте вино, да учреждаю вы вечерей сей!

В о и н ы *(кричат радостно)*

Славимти, князь! Да здравит господине наш! Иди к нам на брашно и питие, вдажь ны коснути себя!

О л е г

Аз рек: ныне опочинути поволю. И боги да крепят уды мои на брань... *(Отходит от окна, идет к столу, садится на лавку).*

(Входит епископ в черном, как монах, останавливается у дверей и сурово смотрит на Олега.)

О л е г *(епископу)*

Не зри на меч мой и княжитву, старче – рци без ужастия к ми, поволит ли Бог твоей крови лияти?.. Бог грозный, карающий за грехи работой на другой свет?

Е п и с к о п *(сурово)*

Кровей сухих от зорителей земли хрестьянской поволит Господь.

О л е г

Поволит?... А пошто ты попускаешь на брань князи, кои идут на брата своего?

Е п и с к о п

На врагов, зорителей церкви Божией, монастырей и обителей праведных, весей и градов православных благославляю аз!

О л е г

Ныне молю тя благословити меч мой и попустить его на братья своя, да не повелишь мя бранити и зазрети за кровь многу...

Е п и с к о п

Аки пружь жадный с воями своими ты еси: седяху ныне на земли муромстей, поврещил ю в сором и глад велий, заразил еси от Бога прославленного князя, аки тать и убойник денной, и несть тебе благословения и попущения ни на кое орудие от Господа Бога моего – аминь!

О л е г *(насмешливо)*

Рци ми, старче, еже кровь половчанина лияся, то сие не черлено есть?

Е п и с к о п *(гневно)*

Поганых – погана кровь!

О л е г

Чернец! Лжеимец ты еси, ибо кровь – есть кровь!

Е п и с к о п

Пошто призывал мя, окаянный, ибо ты еси лагодишь душой своей сатане, и несть ти прощения и благословения хрестна, зане болваном поклоняешися и поган еси!

О л е г

Аз вабил есмь тебе, поп, на пакибытие души моей, приспешенной тугой, а зрю ныне в тебе едина врага, рци ми: пошто твой Бог вси люди клещет?

Е п и с к о п

От господа прощен есть тый, хто верует в Бога истинна и наследует за сие жизнь вечну – ты же извержен еси за поганьство скотильное Господу!

(За окнами шум голосов. Воины кричат):

Да здравствует от ны доблий кметь князь Олег! Славим ти, господине наш!

О л е г

Ты чуешь, чернец? Людие во прохладах многих взвыли, а ты мя клянeshь!

Е п и с к о п *(уходя)*

Несть спасения тебе, бо – поган!

О л е г *(кричит ему вслед)*

Чтил аз вси боги и того грозна, но никто же не даде ми целения души! Кляню вся! Мой меч един без тебе, чернец худый, поразит врагов моих, братья мои, чуй!

Е п и с к о п *(возвращаясь, кричит из дверей)*

Проклят меч, лиющий крови сродны! Прокляты поганы боги и чтущие их!

О л е г *(кидает в него серебряную яндовую, кричит)*

Аз чту Перуна и Волоса! То боги-и! Сии не мстили ми, бо крови многи им суть ликствование! *(Наливает вино и пьет).*

(Входит Ольстин, Олег, успокоившись, задумчиво и грустно):

За меня гинул Ярослав... Боги! Пошто гинул юний за дряхла и приспешенна с тошей душой кметя Олега?.. Пошто? *(Ольстину)* Теки, боярин, опочинь! Зде един стану умолять богов и бога того – да зрят ми и сон дадут и стени прохладны, милы, бо Ярослава, кольми паче Анну...

О л ь с т и н *(кланяясь)*

Не мочно ми, осударь-князь, ныне покинуть тебя: полки народу рыщут гладны по граду, аки волци... ты опочиешь, а они зри вползут и убойство над тобой чинят, а гриди, чул ты, текли вси внеуду, зде же близ пьяны кмети сваду межю себя деют, а ты един...

О л е г *(горько смеется)*

Един аз... един! Един еси Олег, и дивов загробных ныне не ужасно ему зрети, а – живых? Живые, боярин, что навий пред его меча... теки и опочинь... меч аз берегу.

(Ольстин земно кланяется Олегу, целует ему руку и уходит).

(В горнице становится все сумрачнее, свечи догорают, иные гаснут.)

(Олег, как всегда положив на руки голову, дремлет за столом. У двери начинает белеть женская фигура, она легко, почти неслышно идет к столу. Волосы ее распущены по плечам, грудь обнажена, женщина одета, как язычская девушка, на голове веноч из цветов, она подходит к столу, склоняется над сонным Олегом и, касаясь рукой его волос, говорит):

Чуй мя, Олег, гряду тебя неговати...

О л е г *(подымая голову)*

Анна! Лада моя! Дай ми коснути рукой лика и влас твоих – ты ли сие?
(*Встает, гладит ее по волосам и по лицу*). Ты холодна, аки прах, лада...

Ж е н щ и н а

Неговай мя, люблю тебя!

О л е г

Анна! Ты светыч мой в тме лютей, радость моя... луча денна!.. (*Встает и обнимает ее*).

Ж е н щ и н а (*весело*)

Пошто станем ждять часа много – течем, течем, ныне игрище Перуну!
Течем ликтвовати у огней бога и дрeвеса обернути кринами – сие лепо!

О л е г

Жадет сего душа моя – тецем, Анна!

Ж е н щ и н а (*шутливо и строго*)

Не мнишь, Олег, али не любишь мя? Чему поучила тебя – один жрец скачет с мечем и ликует у огня жратвенна, он закаляет младеня. Тебе с мечем не мочно быти...

О л е г (*вынимая и кладя меч на стол*)

Аз теку на игрище с жезлием единым... (*Подходит, берет копьe, поставленное Ольстином в углу*).

Ж е н щ и н а (*подходя к двери, обернувшись говорит*)

То мочно! Копие поведет тя путем в Ирей-страну, в терем, где витаю я... оно едино порвет спону жизни соромной, и студ твой имеешь, яко прохлад велий... Камо идем мы – тамо суть свет самосиянный луча несожигаема – течем!

О л е г (*медля*)

Анна, лада! Как лепо, и ты со мной! Ты ? Лада, – ты!

Ж е н щ и н а

И ныне – единый и последний раз. Дивы заgrabны престанут ужасати тебя, а тамо в самосиянном свете будем за едину душу, Олег.

О л е г (*восторженно*)

Течем, лада!

(*Уходят*)

(*Декорация меняется.*)

За стенами Мурома. Вражий стан. Вдали шатры, кругом разбросаны щиты, копьe и шлемы, лежат убитые. Ночь. Вдали видна часть стены Мурома, у стены сторожевые огни. Среди трупов – Олег один.

О л е г (*озираясь стоит, опершись на копьe*)

Что мочно духу, то не мочно живу кметю, князь ли он али смерд есть мизинный... Всяк младень есть пред силой непознанной, смысленностью смертны... яз в сей час витал в Муроме, чул гладны полки народу, зрел Ольстина, болваны, одрину Изяслава, а zde зрю Муром-град внеуду... Анна! Ты влекла ми скокаги Перуну, сего возжадала душа моя, и мы текли чрез оплот градный, яко по мосту терема, но ким путем дух твой влек мя – не мню, аз смертен, и уды мои крепки суть, и очи мои зрят всямо... Вражи кмети в сто-

рожек не чули и не зрели ны, али сие сон есть? Единый из многажды зримых мною! Аз чую воню ветра, и трав и павших в сече воев смердение – то не сон? А где меч мой? Меч! В тереме Изяслава... тамо суть вои, ким рек, что заутра ураним в сечу... Камо влекусь без меча с единым жезлием, аки княжий овчий, а не князь?.. Хто вонмет ми, что одолети поволлил волшвению, тек с женой лепой, коя, яко огонь свещника, пыхнула в нощи сей?.. Хто веру имет ми? Восторжествуют вороги: Олег страмне тек, в ужастии покинув, аки тать, – гуню неисправну, вои и меч. Меч кинул в ужастии... Нет!.. Олег – князь не покинет меча, еже не изломлен сый... ужастие сечи лютей его посторонь иде. *(Решительно)*. Иду за меч!

(Задумавшись делает вперед несколько шагов. Падают туман.)

Со стенью милой лады Анны текли тамо по сходням, то сходни вражи на поятие града вдыблены, горе стены муромстей... Гряду на огни вражи. *(Идет и останавливается)*. Не зрю пути... Суморок паде...

(Декорация меняется)

За углом стены разгорается огонь. Воины подбрасывают хворост и толпятся. Олег идет к ним. Олег без шлема, в диадиме, в куяке, с копьем в руке. Идет медленно, оглядываясь по сторонам и опираясь на копьё.

1 - й в о и н *(кричит Олегу)*

Хто иде?

2 - й в о и н *(1-му)*

Зри – князь кий!

1 - й в о и н *(Олегу)*

Хто иде? Эй!

О л е г *(воинам)*

Аз!

В о и н ы : 1 - й , 2 - й , 3 - й и 4 - й .

Хто ты, эй, хто еси ты?

(Переграждают путь мечами)

(Олег, отстранив мечи копьём, поражает двух воинов. 1-й и 2-й воины падают умирая, другим.)

Трублю на скупь!

(3-й и 4-й воины трубят. Сбегаются воины с обнаженными мечами, с зажженными факелами, кричат на бегу):

Хто течет к вратам града? Зрите – убил, убил!

3 - й и 4 - й в о и н ы

Во – тый! В куяке княжем, на власах тафья – то князь!

(Воины прибывают, Олег слегка отступает)

О л е г *(кричит)*

Требите ми путь к вратам града Мурома!

В о и н ы

Пошто течешь в град?

О л е г

Рабы! Хочу ити на вы и не иму меча – теку за меч!

(Кидается на воинов, поражает копьем еще двоих.)
 Вои ны (кричат)
 То – Олег князь!
 Чуйте – то Олег!
 Секи его!
 О д и н и з в о и н о в (кричит)
 Суду ужища! Рек Володимер – Олега не бить, ополонить, чуйте!
 (Воины наступают, Олег убивает еще одного, копье ломается.)
 О л е г (в отчаянии)
 Меч! Приязненник, тебя не изломил бы о гуню раба!
 (Один из воинов взмахивает мечем, но Олег ударяет его по шлему обломком
 копья, он падает.)
 (Другой воин сзади поражает Олега короткой секирой в голову, Олег
 склоняется к земле.)
 О л е г
 Меч!
 В о и н (ударяя его еще)
 Не меч! Секира сие!
 (Олег падает. Воины кладут Олега на щиты, поднимают над головами.)
 Вои ны (кричат)
 Муромцы, зрите! Поган князь Олег сражен!³⁵
 Г о л о с а :
 Эй, муромцы! Слушайте – поган князь Олег поврещен!

ЗАНАВЕС

¹ В 1083–1094 г. кн. Олег Святославич (ок. 1053–1115) княжил в Тмутаракани. См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 353.

² Владимир, князь черниговский – Владимир Мономах (1053–1125) был князем черниговским в 1078 – 1094 гг.

³ Святополк II, киевский (1050–1113) – в 1093 г. вел войну с половцами (Тугорканом в союзе с Боняком), окончившуюся полным поражением киевского князя, который был вынужден заключить в 1094 г. мир и взять в жены дочь Тугоркана, которую в крещении назвали Елена. «Повесть временных лет» сообщает об этом событии: «Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого».

⁴ Тугорканка – дочь Тугоркана. Тугоркан (1028–1096) – половецкий хан, ближайший соратник Боняка.

⁵ См. сноску 2.

⁶ Давыд володимирский – Давыд Игоревич (ок. 1055–1112), князь владимир-волинский, организатор ослепления в 1097 г. Василька Тербовльского.

⁷ Князья отчинные – автор имеет в виду князей, правивших в своих княжествах, в противопоставление князьям-изгоям, не имевшим собственных княжеств.

⁸ «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей» – начало псалма 50 (Покаянного).

⁹ Речь идет о сыне Владимира – Изяславе, князе муромском, и его жене Анне (следует иметь в виду, что жена Изяслава, Анна, фигурирует только в песе Чапыгина. На самом деле неизвестно не только имя жены Изяслава, но и был ли он женат вообще).

¹⁰ В 1097 г. в Любече произошел междукняжеский съезд, фактически закрепивший феодальную раздробленность Руси.

¹¹ ...были Олегу даны отчины по ставлению думы княжой и обчего наказа... – русские князья выделили и закрепили за Олегом Святославичем в качестве отчин Новгород-Северский и Курск в 1097 г. на Любечском съезде. Владимир произносит эту фразу на свадьбе Святополка, киевского князя, которая состоялась в 1094 г.

¹² ...сокрушался Давид-царь о сыне лотом Авессаломе... – библи. Авессалом – сын Давида, с которым у него произошла распря, в результате чего Авессалом погиб.

¹³ Боняк хан – половецкий хан, впервые упомянутый в «Повести временных лет» за 1096 г. в записи, где сообщается о его нападении на Киев.

¹⁴ ...Олегом ят Василько-князь и ослеплен. – в 1097 г. Василько Ростиславич (ок. 1066–1124) принимал участие в Любечском съезде князей. По его завершении по приказу Святополка Изяславича и по наговору волынского князя Давыда Игоревича был захвачен и ослеплен. (См. «Повесть временных лет», запись под 1097 г.) В пьесе Чапыгина Давыд наговаривает на кн. Олега Святославича, приписывая ему вину за ослепление Василька.

¹⁵ «Сего ради исторг винограды ваша, и смоковье ваша, и нивы, и дубровы ваша, но злоб ваших не могах истерти» – цитата из «Повести временных лет», запись за 6576 (1068) г.

¹⁶ ...осадил он мя в Чернигове? – Олег Святославич осадил Владимира Мономаха в Чернигове в 1094 г. «Повесть временных лет» сообщает об этом: «Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего». В «Поучении Мономаха» об этом сказано так: «И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: “Пусть не похваляются язычники”. И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля».

¹⁷ После взятия Чернигова в 1094 г. Олег Святославич дал половцам полную свободу в разбое и грабеже, поскольку ему нечем было заплатить за военный союз половцев с ним. «Повесть временных лет» об этом сообщает: «Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он позаных на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям».

¹⁸ Итларь и Кытан – половецкие ханы, подло убитые дружинниками Владимира Мономаха после заключения мира между половцами и русским князем. Об этих событиях сообщает «Повесть временных лет» под 1095 г.

¹⁹ В 1083 г. Олег Святославич изгнал из Тмутаракани Давыда Игоревича, князя тмутараканского (1081–1083).

²⁰ «Не утаися кость моя от Тебе, ю-же создал еси в таине и состав мой в преисподних земли» – Пс. 138: 15.

²¹ Отсылка к житию Марко Печерского (Гробокопателя) из Киево-Печерского патерика.

²² ...с Борисом притекли с Тмутархи за правдой! – Кн. Борис Вячеславич, сведения о котором содержатся в «Повести временных лет» под 1077 г., где говорится, что он, воспользовавшись отсутствием князя Всеволода Ярославича, захватил Чернигов, в котором прокняжил 8 дней, после чего бежал в Тмутаракань. Почти год спустя туда же бежал и Олег Святославич. Летом 1078 г. Олег и Борис с войском пришли к Чернигову с целью вернуть черниговский стол Борису Вячеславичу.

²³ «Повесть временных лет» под 1078 г. сообщает: «Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившася велми».

²⁴ *Изяслав киевский* – Изяслав Ярославич (1024–1078), великий князь киевский. См. примеч. 28.

²⁵ Имеется в виду кн. Всеволод Ярославич (1030–1093), который в 1073–1078 гг. княжил в Чернигове. После смерти (1076) великого киевского князя Святослава Олег Святославич был выведен новым великим князем, Всеволодом Ярославичем, из Владимира-Волынского, после чего в 1078 г. бежал в Тмутаракань.

²⁶ Муромский поход кн. Олега Святославича 1096 г. против князя курского и муромского Изяслава Владимировича (1077/1078–1096).

²⁷ Рассказ восходит к известию «Повести временных лет» под 1092 г.

²⁸ ...на *Нежатине* убил *Изяслава киевского*. – Речь идет о битве на Нежатинной Ниве 1078 г., участниками которой были Изяслав Ярославич и Олег Святославич. Ср. описание гибели Изяслава в «Повести временных лет», запись под 1078 г.: «Когда же Изяслав стоял среди пешех воинов, неожиданно кто-то подбежал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава». В пьесе Чапыгина гибель Изяслава приписана Олегу Святославичу.

²⁹ *Сойди, Изяслав-князь, со стола отец моих, иди к отцу твоему Володимеру, кий попраля мя без правды, яко изгоя, с отчины Муром-града*. – В 1095 г. Изяслав Владимирович (сын Владимира Мономаха), князь курский, по поручению своего отца занял Муром, входивший тогда в Черниговское княжество, которым с 1094 г. правил Олег Святославич. В пьесе кн. Олег обращается к Изяславу с требованием уйти с его вотчины в вотчину кн. Владимира.

³⁰ В борьбе за свою отчину кн. Олег Святославич заключал военный союз с половцами в 1078, 1094 и 1096 гг.

³¹ *Ныне Володимера сыны седоша на столах всея Руси Киевской и Северской...* – У Владимира Мономаха было 9 сыновей, но в исторический период, рассматриваемый в пьесе Чапыгина, княжили только четверо из них. Мстислав Владимирович (1076–1132) княжил в Новгороде (1088–1094), Изяслав Владимирович (1077/1078–1096) – в Курске до 1095 г. и Муроме (1095–1096), Святослав Владимирович († 1114) – князь смоленский (до 1113 г.), Роман Владимирович († 1119) – до 1118 г. не имел своего удела.

Термины «Русь Киевская» и «Русь Северская» позднего происхождения, и в устах Олега они звучат анахронистически.

³² *Мстислав Володимеров* – старший сын Владимира Мономаха, Мстислав Владимирович. См. примеч. 31.

³³ Имеется в виду Боняк-хан: см. примеч. 13.

³⁴ *Усне юний Ярослав...* – в пьесе Ярослав погиб в ходе муромской битвы (1096), на самом деле кн. Ярослав Святославич пережил своего брата Олега Святославича и умер в 1129 г.

³⁵ В пьесе кн. Олег погибает в ходе битвы за Муром (1096). На самом деле он умер в 1115 г.

Словарь

Байдан – разновидность кольчуги

Бортенные знамена – знаки собственности на бортиях (деревьях, в которых обитают дикие пчелы)

Вабить – приглашать, звать, манить

Вапа – краска

Вапница – красящее вещество

Веглас – разумный

Верезение – нанесение ущерба

Виденье – лицо

Вира – денежный штраф за убийство в пользу князя как представителя общественной власти

Витать – обитать, жить

Внеуду – наружу
Воня – запах
Головничество – плата за убитого с головы
Гунивый – косноязычный, страдающий дефектом речи
Гуня – лохмотья
Долонь – ладонь, ровное место
Епистолия – грамота, письмо
Изгой – человек, выпавший из своего социального круга; одно из значений – князь без княжества
Керста – гроб, могила
Клещити – давить, стеснять, держать в тисках
Кметь – витязь
Кобья (от «кобь») – гадание по приметам и встречам, по полету птиц
Корзно – плащ
Коториться – кориться, вздорить, враждовать
Крин – цветок
Кринный – цветочный
Кюак – суконная и бархатная одежда, покрытая металлическими пластинками
Лагодный – умеренный, мягкий, мирно настроенный
Лепо – красиво
Ликствовать – ликовать
Лихновение – излишество, преступление
Лубян – глупый
Лядина – расчистка под пашню, подсека
Медуши – склад с медом
Мизинный – от «мизинец» – маленький
Мур, моур – мавр, черный человек
Навий – мертвец
Невеглас – неумный, глупый, безумный
Ногата – денежная единица в Древней Руси
Оброщити – окрасить, запятнать
Объярь – вид шелковой ткани
Огнищанин – представитель высшего служилого класса в Древней Руси
Опрато – вымыто
Оскеп харлуужный – металлический посох с острием
Паволока – шелковая ткань
Повреци – бросить, повалить, покинуть, повергнуть
Позор – зрелище, представление
Полюдьё – способ сбора податей, подать
Поминок – подарок
Понява – саван
Попряный – приправленный, пряный
Пороки – тараны, осадные орудия
Порядня – заведенный порядок, обычай
Поточение (от «поточить») – разграбить, расхитить) – разграбление, расхищение
Прати – идти, нападать
Прузи – саранча
Работа – рабство
Ротиться – божиться, присягать

Рухло – домашний скарб
Свада – ссора, распря
Семо – сюда
Скора – шкура
Скорлат – пурпурная дорогая ткань
Скорлатный – сшитый из скорлата
Скотильный – скотский
Смага – пламя, огонь
Собина – собственность
Стружие – копые
Таль – заложник
Тиун – должность привилегированных княжеских и боярских слуг, управлявших хозяйством в XI–XIII вв.
Тмутарх – Тьмутаракань
Требити – очищать, указывать
Трубля – звук боевой трубы
Туга – печаль
Уды – руки, ноги, вообще члены тела
Фофудья – одежда вроде фуфайки
Яндовая – большая открытая округлая посуда для вина, пива или браги

Библиографический список

1. А. П. Чапыгин. Дневниковые записи / публ. Н. С. Цветовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 101–108.
2. Блок А. А. А. П. Чапыгин. Гореславич // Собр. соч.: в 8 т. М., 1962. Т. 6.
3. Горький – А. П. Чапыгин / публ. Д. Л. Устюжанина // Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: неизданная переписка. М., 1963. С. 629 – 670.
4. Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012.
5. Чапыгин А. П. Беседы с Горьким // М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. А. Крундышева. М., 1981. Т. 1. С. 317–323.